

Наталья Горская

МАЛЬЧИКИ-МАЛЬЧИШКИ

Наталья В. Горская

Мальчики-мальчишки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11306334
Мальчики-мальчишки: Написано пером; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-00071-298-6

Аннотация

О бандитах «лихих-девяностых», но без традиционных крутизны и понтов. Здесь нет «реальных пацанов, у которых всё конкретно», а есть не нашедшие применения своим силам и умениям мальчики на руинах экономики и морали некогда мощной державы. Эти вчерашние пионеры и комсомольцы, «отличники по боевой и политической» были воспитаны для жизни в одной стране, а жить им пришлось в совершенно другой. Бандитизм показан не в крупном городе, а в маленьком посёлке, который даже не отмечен на карте России, где все друг друга знают. Где защитники закона и его нарушители ещё вчера учились в одном классе. Где каждый виден, как на ладони.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Горская

Мальчики-мальчишки

© Н. Горская 2015

© ООО «Написано пером», 2015

* * *

*Из чего же, из чего же, из чего же
Сделаны наши мальчишки?
Из веснушек и хлопушек,
Из линеек и батареек
Сделаны наши мальчишки!*

(куплет детской песенки Юрия Чичкова на стихи Якова Халецкого)

I

Мне двадцать лет! Знаете, что такое двадцать лет? Это – счастье! Счастье, совершенно не зависящее ни от каких условий и обстоятельств. Это – богатство!.. И, самое ужасное, что понимать бесценность этого богатства начинаешь только... ещё двадцать лет спустя, когда оно уже утеряно навсегда.

А на дворе – конец 93-го года, холодного и дождливого, в котором всё лето ходили в плащах, а зима началась 23-го октября, как сейчас помню. Выпал снег, растаял, а потом выпало ещё больше. И закрутилось: морозы и снегопады, оттепели и гололед, да не гололед, а гололодище! Ещё декабрь не наступил, а люди уже вздыхали: до чего же надоела эта чёртова зима! А она по календарю ещё и не начиналась. Но уже успела надоесть.

А мне всё в радость – в двадцать лет вообще всё в радость. Плохо, когда в этом возрасте что-то в тягость, – это плохой симптом! Ведь нужно же просто любить жизнь: не за что-то, а просто так, и радоваться ей пусть даже совсем без причины. Никогда нельзя терять надежд, пока ты молод, пока учишься, пока ещё рядом все твои друзья детства, и жизнь ещё не разметала нас.

Мне же в двадцать лет было всё интересно, всё любопытно: что там будет дальше? И ничего не страшно: ни внезапное обнищание почти всего населения крупнейшего государства мира, нашей России, которая ещё два года тому назад называлась свистящим словом «эСэСэСэР»; ни вспыхивающие там и сям вооружённые конфликты и даже настоящие войны, непонятно за что – то ли за давнишние обиды, то ли просто так – от скуки и безработицы. И массовая безработица в стране тоже не пугала. Даже интересно, что вот, например, на наш завод пришла работать дефектоскопистом бывшая гримёрша с Ленфильма! Ну когда ещё такое увидишь? Только в ту счастливую пору, когда тебе всего двадцать лет!

В таком возрасте жизнь, даже если она и страшна по каким-либо политическим, экономическим или морально-нравственным меркам, в то же время кажется какой-то... светлой. Может быть, потому, что похожа она на первую любовь, у которой всегда много чувств и которая не думает о будущем?

Я часто встречаю своих бывших школьных учителей – живем все рядом. Вот только учитель математики получил-таки квартиру в Райцентре, которую ждал почти четверть века. Его жена так и не дождала до этого радостного момента. Многим учителям уже за семьдесят, но они всё ещё работают – заменить некем, не очень-то молодежь позарится на учительскую зарплату. Да и пенсии маловаты – только на коммунальные услуги и хватает. А как же не помочь детям и внукам? Крепкая порода. Нам такими уж не быть.

Чаще всего вижу нашу бывшую классную руководительницу Анну Ивановну, которая вела у нас русский язык и литературу. Она уже тогда, когда мы заканчивали школу, была в пенсионном возрасте, а сейчас и подавно. Но Анна Ивановна совсем не меняется с годами: энергичная, ясно и быстро мыслящая – словом, оптимистка. Но однажды я встретила её совсем расстроенной: на ней лица не было.

– Анна Ванна, что случилось?

– Наташа, ты представляешь, козочку, кормилицу мою убили! – говорила она, даже не пытаясь вытирать текущие по щекам слезы.

Козу она держала не только для молока, но ещё и для пуха, из которого виртуозно вязала пуховые платки, а дочка учительницы химии продавала их на рынке в нашем Райцентре.

– Как убили? Кто? – удивилась я, подумав: кому могла помешать обыкновенная коза?

– Братья Колупаевы! Они ночью в мой сарай залезли и увели её. Она, видимо, упиралась, так они её зарезали-и-и! Вся земля в крови-и-и! Как же я теперь без неё-о-о?

Братья Колупаевы – это двое мужиков старше тридцати лет. Одно время они промышляли тем, что обдирали всюду, где придётся, цветные металлы и сдавали в пункты приёма, которые с начала 90-ых годов появились даже там, где не было ни магазинов, ни дорог. Не брезговали ничем – ни алюминиевой сеткой с огородов, ни памятными бронзовыми досками с домов, ни табличками с надгробий. Да всего и не перечислишь! Когда цветные металлы иссякли, братья стали воровать технический спирт на железнодорожной станции, где их мать-пенсионерка работала уборщицей. Но потом и этот «бизнес» заглох. И вот здоровые парни остались ни с чем – только крохотная пенсия старухи-матери, на которую не очень-то разгуляешься. А разгуляться хотелось, да ещё как! И начали они выискивать, что плохо лежит. Одиноким женщины и старухи вполне подходили – по морде и по рукам уж точно не надают.

– Прихожу к ним и вижу: сидят пьяные, мясо почти все съели. Николай мне говорит: «Бог велел делиться, Ивановна». Сидят и смеются, а на столе и на полу обглоданные косточки моей Асеньки. Да это же настоящие фашисты! Ведь учились же у меня оба: и Толька, и Колька... Ах, мальчики-мальчишки, что же вы творите? Что же это с вами происходит?

Не по себе мне стало – ничем не могу помочь этой пожилой интеллигентной женщине: коза козой, но не привились нравственные ценности в душах ее учеников, как южное растение на Севере.

Я встретила её через несколько дней с маленькой беленькой козочкой, которую она бережно несла на руках. Радости её не было предела:

– Наташа, такое счастье, что даже страшно, – сказала она застенчиво, словно боялась это самое счастье неосторожным словом спугнуть. – Ты представляешь, иду на днях из сарая – я там дверь на петли вешала, – и останавливается около меня Трубачёв на таком красивом автомобиле, да и разговорились мы с ним. Я ему и рассказала про козочку мою, а он и говорит спокойно так: «Хотите, я этих Колупаевых наизнанку выверну?» Я перепугалась! Ведь, говорят, что он и вправду может человека порешить, чертёнок такой. Уж и не рада, что поведала ему о своём горе! Говорю: не надо, не смел чтоб! А он засмеялся и спросил, сколько сейчас коза стоит на рынке. А я уж и не знаю: сейчас ведь цены меняются, как погода – поди, разбери. Я Асю-то лет пять тому назад покупала... А он из бумажника достал триста долларов и мне протягивает. Никогда таких в руках не держала. Зелёные! Две бумажки с Франклином, две – с Грантом. А ведь совсем недавно в нашей стране, – перешла на шёпот Анна Ивановна, – могли «вышку» дать за хранение валюты, а сейчас... Вот как жизнь-то резко изменилась, Наташа! Так о чём это я... Ах, да! Вот он и говорит, что такой суммы должно хватить. Я брать не хотела! Вовек такой долг ему не вернуть. В уме посчитала – астрономическая сумма получилась! – а он хохочет и говорит, что у него сегодня просто очень хорошее настроение, что он мне столько нервов за школьные годы вымотал, что это ему вовек со мной не расплатиться за моральный ущерб. И добавил, что, если я денег не возьму, то он Колупаевых точно наизнанку вывернет. Не по себе мне, Наташа, стало – отказалась от американских денег. Но он тут же кликнул какого-то из своих крепышей, так они мне через четверть часа привезли нашими деньгами. А тут как раз у Тарасовых козлёнок остался от продажи. Девочка, – и Анна Ивановна повернула ко мне своё приобретение, – тоже Асей назову.

– Бе-е-е, – поздоровалась со мной новая Ася тоненьким голосом.

– Ну, Анна Иванна, хорошо всё то, что хорошо заканчивается, – поделила я её радость.

– Я только вот чего боюсь, – зашептала она, а козочка наострила на её слова уши. – Что если вдруг Трубачёв с меня долг потребует? От него ведь чего угодно можно ждать: такие вещи про него рассказывают...

– Да чего он будет с вас требовать? Что вы думаете, для него это такая уж большая сумма?

– Вот и он мне так сказал. И смеялся всё, говорил: дело удачное провернул... Ну, ладно, Наташа, пойду, а то Ася, наверно, уже есть хочет.

– Ме-е-е, – подтвердила предположение Анны Ивановны коза Ася.

На том мы и разошлись в разные стороны. Когда я уже подходила к своему дому, то встретила Толика Колупаева. Он, озираясь, тащил мешок чего-то сыпучего – то ли песка, то ли муки, – видимо, упёр где-то. Интересно, если бы он узнал, что Трубачёв недавно хотел вывернуть его вместе с младшим братом наизнанку, то как бы отреагировал? Должно быть, без особого восторга.

Трубачёв Слава – бывший пионервожатый нашего класса, который в начале 90-ых годов превратился в местного криминального авторитета по прозвищу Горнист. Он действительно был когда-то горнистом и маршировал в колонне пионеров в первом ряду. Это было очень красиво, хотя и несколько воинственно. Слава гордился своей фамилией, потому что в то время был очень популярен персонаж из фильмов для детей и юношества Васёк Трубачёв.

Но это было в ту далёкую эпоху, когда все мы были наивными детьми и горячо верили в то, что являемся гражданами самой лучшей страны в мире. Тогда все дети Советского Союза состояли в советских детских и молодёжных организациях и союзах, что само по себе было неплохо. Хотя сейчас многие наши сограждане и плюются при воспоминании о той поре и неистово накладывают на себя крестное знамение, уверяя всех в своей непричастности к подобным учреждениям. Принято считать, что тогда не было свободы. Может быть. Но её и сейчас нет. Сегодня многие люди по-прежнему несвободны, только не от государственного гнёта, а от гнёта проходимцев всех мастей и собственных дикости и дурости.

В первом классе нас принимали в октябрат – дружных ребят, которые «любят труд и уважают старших». Вот тогда к нам в класс и явился Слава Трубачёв, который был тогда уже пионером и собирался вступать в комсомол. Он деловито сказал, что мы являемся его подшефным классом, и приколот к нашим школьным пиджачкам и фартучкам звёздочки с портретом ангелоподобного хорошенького мальчика лет пяти-шести. После златокудрый юный бог на октябратских звёздочках уступил место пионерскому значку и галстуку, а они, в свою очередь, – комсомольскому значку, на котором златокудрый мальчик превратился в лысого дяденьку.

Слава нам всем сразу понравился, потому что был обаятельным и, как сейчас сказали бы, харизматичным.

Он с детства проявлял задатки лидера: возился с нами, не жалея сил и времени, учил маршировать под аккомпанемент барабанного боя, организовал школьный хор, устраивал всевозможные праздники, готовил нас к Первомайской и Ноябрьской демонстрациям. Даже ставил для нас настоящие спектакли со своими однокашниками, где виртуозно играл главные роли! Если же брал роль второго плана, то в его исполнении она становилась ведущей.

Слава бесподобно играл в школьном спектакле по повести Гайдара «Военная тайна» Мальчиша-Кибальчиша, который не хотел, «чтоб буржуины пришли и забрали нас в своё проклятое буржуинство». Он не выдал Военной Тайны даже после страшной муки, а самим им, проклятым, было не догадаться, что за тайна такая. Обаятельно он сыграл и Мальчиша-Плохиша, вероломно предавшего мальчишей-малышей за бочку варенья да корзину

печенья. И самого Главного Буржуина с толстым накладным животом и в шляпе-цилиндре. В этой роли он тарашил глаза и, обхватив ладонью подбородок, искренно удивлялся: «Что же это такая за непонятная страна, в которой даже малыши знают Военную Тайну и так крепко держат своё твёрдое слово?» И давал команду трубить тревогу сигнальщикам и махать флагами махальщикам, потому что «будет у нас сейчас не лёгкий бой, а тяжёлая битва».

– И погиб Мальчиш-Кибальчиш... – со слезами произносила слова автора Ленка Ковалёва, председатель совета пионерской дружины нашей школы, а мы все рыдали в зрительном зале от горя и ещё больше ненавидели злых пузатых буржуев.

Ещё Славик Трубочёв проводил в нашем классе политинформации по четвергам, где рассказывал об ужасах капиталистического мира:

– А вы знаете, дети, что в Нью-Йорке настолько высокая преступность, что вероятность быть застреленным на улице такая же, как во время оккупации в годы Второй мировой войны? – риторически спрашивал он.

– Ой, мамочки! – пугались мы, потому что нас учили не оставаться равнодушными к тому, что происходит в мире, и радовались, что у нас нет такой преступности и многих других кошмаров «продажного буржуазного мира».

Мы тогда ещё не знали, что совсем скоро наступит время, когда нам придётся шараться от собственной тени в подъезде, когда отравляющий любое существование страх станет основной эмоцией на постсоветском пространстве, потому что мы позаимствуем у Запада не только джинсы и тяжёлый рок, но и оголтелую преступность. Хорошо бы нам научиться заимствовать у других народов что-нибудь хорошее и полезное, а не только плохое и разрушительное: мы всегда сметаем всё без разбора, как заплесневелую колбасу с пустого прилавка сельмага. Только где этому можно научиться?..

Трубочёв бегал с нами, как с писаной торбой, доказывая всем, что его подшефные пионеры – самые лучшие. При этом он умудрялся оставаться шпаной, но ему всё сходило с рук опять-таки благодаря его безмерному обаянию и активной общественной работе. Правда, он был не таким, как нынешние отморозки, а напоминал, скорее, Мишку Квакина из «Тимура и его команды», ворующего яблоки из чужих садов, или обаятельного Остапа Бендера. Кто бы мог подумать, что эти герои окажутся невинными детьми при сопоставлении с сегодняшними аферистами и правонарушителями?

В шестом классе мы сами стали вожатыми у нового поколения октябрят, а наш Слава закончил школу. Мы упрашивали его остаться ради нас хотя бы на второй год, но в его аттестате не было даже «троек». Нам было грустно, а ему весело. Его манили неизведанные дали жизни.

Когда к концу 80-ых в Кремле решили, что наша страна идёт каким-то не таким, как надо, путём, а каким надо идти, тоже никто не смог внятно озвучить, то все мы пребывали некоторое время в растерянности и даже в шоке. Но юность пела нам в уши, что всё будет хорошо, и даже значительно лучше. Таково уж ее свойство!

Вдруг выяснилось, что наша Военная Тайна давно и выгодно продана буржуинам, а сказка про неё придумана только для нас, советских граждан, чтобы мы, не задумываясь, пошли за ней на плаху. Буржуи же все наши тайны и так знали лучше нас самих. Бесстрашный Мальчиш-Кибальчиш был объявлен пропагандистской мистификацией, а главным героем нового времени стал Мальчиш-Плохиш. Только его было уже не прельстить банкой варенья и коробкой печенья – подавай на продажу Родину, и главное, чтобы не प्रदेशевить. Совесть была объявлена главным преступлением и недостатком современной и продвинутой личности, поэтому все кибальчиши стали спешно перекрашиваться в плохишей. Началась эпоха перестраивания и перекраивания государства. СССР и всё, что с ним связано, было называли «совком», и многие находили это весьма остроумным, хотя и ежу понятно, что при таком отношении к своему прошлому получишь соответствующее будущее.

В новой России пришли к власти те же, кто был у руля раньше. Только вместо того, чтобы «законы издавать добрые, человеческому естеству приличные; противоестественных же законов, а тем паче невнятных и к исполнению неудобных не публиковать», – дабы добropорядочные граждане общества могли беспрепятственно работать, зарабатывать, растить детей, получать радость от жизни и встречать старость в достатке, стали создавать условия для тех, кто испытывал непреодолимое желание уничтожать и разрушать чужие жизни и надежды. Они тут же занялись обустройством своего личного благополучия, беспощадно обвиняя своих предшественников в геноциде русского народа и заверяя нынешних избирателей в своей беззаветной любви к ним. Да, наверное, не родился ещё тот человек, который, находясь у распределения благ, забыл бы о себе, да и вообще на Руси казнокрадством давно уже никого не смутишь и не удивишь. Но так, чтобы забыть вообще обо всём на свете и заикнуться только на личном обогащении, чтобы позволить голове своей закружиться от вседозволенности и угореть от безнаказанности, – такого беспредела многострадальная Россия ещё не помнила!

Политические партии, коих появилось превеликое множество, стали больше походить на коммерческие конторы, над входом в которые можно было разместить сверкающую иллюминацией вывеску «Сделайте ваш бизнес, господа!» Попадание в любое правительство или около правительственное пространство стало расцениваться как поездка в элитный санаторий, после пребывания в котором человек набирал вес, обретал заметно округлившуюся фигуру, прописку в столице. Высокий оклад и солидный счёт в банке превратили его в довольное и сытое животное, совершенно невосприимчивое к чужим бедам и проблемам. Когда мозг трудится не на благо всего организма, а только на самого себя, то он начинает заплывать жиром, так что весь организм теряет ориентацию в пространстве.

Надо бы любому человеку, силой обстоятельств оказавшемуся у власти и получившему возможность распоряжаться жизнью миллионов себе подобных, вырабатывать хоть какой-то иммунитет против упоения привилегиями и утраты чувства реальности. Но чаще приходится наблюдать бессилие человека перед развращающим влиянием власти и потерю нравственных идеалов, отчего миллионы людей начинают казаться маленькими незначительными винтиками в бессмысленной суете, которая называется громким словом «государство». Власть тогда перестаёт восприниматься как работа, как профессия, требующая колоссальной ответственности за каждый свой поступок и слово. Она рассматривается как источник всевозможных привилегий и наслаждений, какие только доступны простому смертному. Вроде и был изначально человек честным и искренним в желании сделать что-то нужное и полезное для своих избирателей-земляков. Но, спустя пару-тройку лет, люди узнают, что всё это время он потратил только на то, чтобы обзавестись недвижимым имуществом в виде нескольких московских квартир и особняков, и движимым в виде нескольких иномарок и бойких любовниц, отсуживающих приличные алименты от солидной зарплаты госчиновника, состоящей из налогов обнищавших избирателей.

Так ведёт себя оказавшийся у власти раб. Ещё про таких говорят: «Из грязи да в князи». Новоявленный князь начинает лихорадочно распахивать по карманам красивые безделушки, которые подворачиваются под руку на каждом шагу.

– Да зачем же вы всё это прячете по своим карманам? – вопрошает прислуга своего нового властелина. – Это ведь и так всё ваше.

– Это?! Всё моё?! Неужели это возможно? Моё! С ума сойти! Всё моё!!!

– Какие будут ваши распоряжения?

– Я хочу трон из чистого золота! Больше золота! Больше денег! Всё моё! Пшли вон отседава!

Истинный хозяин государства ощущает свои владения как продолжение самого себя: он всё чувствует, всё знает о своей земле, как нормальный человек о своём самочувствии

и причинах нездоровья. Когда где-то что-то не ладится, истинный хозяин всегда вовремя примет необходимые меры. Он понимает, что если люди его страны живут в старых домах, давно требующих капитального ремонта, то надо срочно изыскать средства на решение их жилищных проблем. Он никогда не станет изображать удивление, почему это вдруг в его владения стали вторгаться со всех сторон головорезы из стран со средневековым укладом жизни и жестоко терзать его незащищенный народ, потому что он не станет тратить казну в ущерб защите своего государства на всех направлениях. Он не станет тупо возмущаться, почему после повышения цен на всё и вся в несколько тысяч раз и повышения зарплат рядовым гражданам его страны лишь в десять раз народ интенсивно вымирает или разбегается в разные стороны. Именно так нерадивый лаборант, выкачавший кислород из террариума с подопытными зверьками, крайне удивляется смерти или бегству своих подопечных. Он знает, что прежде чем что-то требовать, надо что-то дать. Глупо пересаживать цветы с чернозёма на глину и удивляться, почему же они завяли и погибли.

Кругозор рабов, оказавшихся у власти, ограничивается оболочкой их тел. Порой и до этого не доходит, а доходит только до желудков и других внутренних органов. Когда эти тела хотят кушать, то это преподносится народу в качестве общенациональной задачи. Они, не задумываясь, могут ликвидировать важнейшие институты общества, науку, пограничные заставы на огнеопасных рубежах, оборонную и тяжёлую промышленность – жалкое подобие которой потом создают с помощью иностранных инвесторов. На этом сэкономят парочку-троечку миллиардов долларов, так как у них появилось невинное желанье прикупить недвижимость в окрестностях Лондона и Мадрида: надо же шокировать воображение тамошних туземцев азиатской роскошью, да и вообще, так, на всякий случай! Исходя из такой философии, ближнее Подмосковье стало активно застраиваться дворцами и особняками, а многие главные лица страны уже стали попадать в первые строчки списков самых богатых людей нашей планеты на фоне массового обнищания российского народа.

– А чё такого-то? – недоумевают эти только что вылезшие из грязи горе-князи, когда начинается ропот в обществе. – А шта мы такого сделали-то? Народу всё одно деньги не впрок: пропьют или потратят на дешёвые тряпки с китайского рынка на своих сопливых детей. У них и мечтаний-то стоящих нет, кроме как работать за бесплатно. Хе-хе-хе!

Рабы у власти презирают свой народ, который их содержит. Так ведёт себя сын, родители которого все силы и деньги потратили на него, но не научили элементарному уважению к самим себе. Рабы-правители спокойно могут обозвать свой народ быдлом и скотом без риска получить по морде, так как вокруг них находится многочисленные хранители их драгоценных тел. Когда народ от такого управления государством начинает вымирать, уходить в тайгу или бежать за границу, они искренне недоумевают и кричат вслед убегающим, что те – продажные проститутки. Самое ужасное, что народ с таким отношением в какой-то мере согласен.

– Помогите! – взывают к властям те, кто всё ещё доверяет им. – Спасите! Замерзаем, пропадаем, голодаем! Нас безнаказанно грабят и убивают бандиты и террористы. Защитите нас, ну пожалуйста!

– Чё там за шум какой-то ваще? – морщатся рабы у власти, пересчитывая свои сбережения на случай непредвиденного выхода в отставку. – Ну чё вам всё надо-то от нас?! Шта вы всё клянчите? Учитесь заботиться о себе сами. Как дети малые! Когда вы только поумнеете, мать вашу растуды! Всё кто-то должен их на горшок сажать! Ну и народ, ну ничего без нас не могут! Господи, за что нам такое наказание?!

– SOS! – подает сигналы страна. – SOS! Спасите, спа...

– Да отстаньте вы от нас! – орут липовые правители. – Не мешайте нам наслаждаться жизнью, если сами не умеете. Мы вас не знаем, и знать не хотим... Тьфу ты! Опять со счёта

сбились из-за этих побирушек!.. Так, один миллиард, два миллиарда, три миллиарда, а ещё-то где?

– Больше нету-с.

– Надо найти! Цветные металлы у нас ещё остались?

– Никак-с нет-с: всё распродано-с.

– А вот зачем в этой стране столько заводов? На кой ляд, спрашивается? Половину сократить!

– Уже сокращали вполвину-с.

– Ещё сократить!!! Что за обсуждение высочайших повелений?!

– Будет сделано-с!

– Повысить цены на транспорт и продукты первой необходимости!

– Так точно-с!

Всё бы ничего, но при таком раскладе тем людям, которые оказались у власти, стало совершенно некогда ею заниматься. Они настолько заняты собой, что перестали замечать происходящее вокруг. Надо было бы им удерживать её хотя бы за хвост, но, видимо, такие деньжищи пёрли в руки, что одной рукой было их не загрести, поэтому вырвалась Власть и умчалась гулять над Русью, где простой рабочий, придя в заводскую кассу за своей честно заработанной зарплатой, мог теперь услышать от кассирши, поедающей из банки отсыревшие макароны с сосиской:

– Какие деньги? Вы чё, совсем охренели или издеваетесь?! – говорилось это всегда таким тоном, как будто просили о какой-то совершенно непристойной и невыносимой услуге. – Нет, ты поглянь на них! Деньги этим лодырям подавай! Иди, работай, тварь безмозглая!

– Отдайте мои деньги! – колотили кулаками в окошко кассы самые дерзкие граждане, которые «обнаглели» настолько, что не хотели уже работать на кого-то, ничего не получая за свой труд. – Да что ж это такое, в самом деле?! Начислят какие-то гроши, да и те выдать не могут!

«Денег нет, и не предвидится», – в такие объявления тыкались лбами практически все работающие люди страны.

– Вы извините, конечно, но у нас нет средств на это, – отвечали со стержневой вежливостью в многоэтажной конторе, призванной служить посредником между народом и правительством в решении насущных проблем, какому-нибудь директору деревенской школы, который приехал за тридевять земель изыскать немного денег на ремонт обваливающейся школьной крыши.

– Чего-то опять переборщили там наши мальчики у власти, – пожимал плечами привычный ко всему российский люд. – Не иначе опять у них ум за разум заходить начал.

Экономисты, призванные немного успокоить народ, стали объяснять причину такого пауперизма виной самого народа, который, как выяснилось, не умеет работать, и прежней государственной системой, когда любое производство было убыточным, пересыпая свою бестолковую речь множеством экономических терминов, к которым, наряду со старыми добрыми греко-римскими заимствованиями, добавились многочисленные англоязычные и их корявые производные. Дескать, вы своим убогим умишкой не способны понять всех этих виртуозных тонкостей экономики, которым надо учиться двадцать пять лет. И все отлично поняли одно: началось колоссальное разворовывание государства, которое наверняка когда-нибудь займёт первое место в Мировой истории воровства. «Убытки» производства в огромном количестве стали оседать в европейских банках на счетах тех, кто, по-видимому, умел работать лучше и правильней всех. Богатства страны потекли по новому руслу, которое проходило мимо народных карманов. Бешеное обогащение небольшой группки россиян сопровождалось бешеным обнищанием остальных. Стали говорить о каком-то полумифическом

золоте партии, которое где-то спрятали злодеи-коммуняки, но пока никто не может его отыскать, как библиотеку Иоанна Грозного в подземельях Москвы. Стали снимать фильмы и писать научные исследования об этом самом золоте, которое украла у народа бывшая партийная номенклатура. У нас на работе у одной женщины даже инфаркт случился, когда она прочитала книгу о жизни партийной элиты. Но все эти кремлёвские дети и наследники эпохи строительства коммунизма и в подмётки не годятся постсоветским бизнесменам от власти, о которых сейчас чего только не пишут. Но закалённых циничным чтивом граждан уже ничего не удивляет и не смущает. Боссы КПСС могли бы воскликнуть на манер Вукола Наумовича из «Волков и овец» Островского, указывая на новую власть:

– За что нас волками-то называют? Какие мы с вами волки? Мы куры, голуби... по зёрнышку клевали, да никогда сыты не бывали. Вот они волки-то! Вот эти сразу помногу глотают!

Невольно все вдруг вспомнили тирана Сталина, который всю жизнь прожил в казённой квартире, отдыхал в государственных санаториях, ездил на казённых машинах, а после его смерти выяснилось, что у этого «злодея» нет ни личного счёта в банке, ни сбережений в сейфе, а остались только пара стоптанных сапог, шинель на гвозде, да старая курительная трубка. То есть, по нынешним меркам, был он нищим, как и многие его сподвижники.

– Но зато при Сталине народ расстреливали миллионами, а мы вас пока ещё не трогаем, – стыдит правительство ропщущий народ.

– Действительно, что-то мы совсем обнаглели, – становится стыдно некоторым. – Спасибо вам за это! Простите нас, что мы так избаловались.

– Так, а кого сейчас расстреливать-то? – не успокаиваются другие. – Мы сами вымрем, так что и патроны тратить не придётся. Народу-то не осталось. Нынче даже матёрых убийц не расстреливают, а пожизненно содержат за наш счёт. При Иосифе Виссарионовиче они давно бы на урановых рудниках вкалывали, а теперь их берегут, как посадочный материал.

– Да если захотят – найдут, кого к стенке поставить! – посмеиваются третьи. – У нас всегда так: или колесуют людей за любой пустяк и следят за каждым их шагом и чихом, или вообще полное безвластие, когда преступники свободно разгуливают по улицам, а люди не знают, как защититься.

Политики стали насильственно хмурить лбы и твердить, как при аутотренинге, о преданности народу, словно хотели сами себя в этом убедить, что настораживало больше всего. Началась такая жизнь, что всё стало настораживать. И никто из политиков так и не сказал, что они на самом деле не знают, что надо делать, находясь у власти в такой большой стране. И в своём глубоком и искреннем безразличии ко всему этому тоже никто из них не признался – надо же думать о рейтингах! А какой может быть рейтинг у человека, если вдруг он ляпнет правду-матку? Правильно замечено, что знающий молчит, а незнающий говорит. А судя по тому обилию говорильни, которое имеет место быть в нашей политике, можно сделать соответствующие выводы.

Произошло какое-то раздвоение в государстве, где людям стало очень трудно выжить, найти работу с заработком, которого хватило бы на кусок хлеба, пусть даже без масла. А включаешь телевизор и видишь передачи и ток-шоу про непростое житьё-бытьё в нищей стране холёной и эксцентричной столичной элиты, их заумные рассуждения с выражением пресыщенной усталости на «животрепещущие» темы: отчего концерт заморской поп-звезды прошёл без аншлага? Или как Госдума отчаянно бьётся над решением таких важных вопросов, как открытие легальных публичных домов, разрешать ли гомосексуалистам вступать в браки между собой. По их мнению, именно эти вопросы являются жизненно важными на данный момент в России. Актуальнее ничего не нашли, сердешные.

С экранов телевизоров на обывателя полилась словесная дуэль между разными политическими партиями и блоками. Сонные разомлевшие лица политиков вытеснили с экрана

все остальные виды искусства. Искусство молотья языком стало считаться самым перспективным и прибыльным делом. Слова, слова, слова, и ничего больше в течение двадцати лет! Даже не верится! Двадцать лет одни и те же лица! Одни и те же слова! Солидные здоровые мужики с хорошим образованием щеголяют друг перед другом изящным словоблудием, как красивые дамы нарядами, и лихорадочно соображают, как бы эту говорильню подороже продать неискущённому избирателю, пока ещё не научившегося выбирать кого-то одного из множества однообразных, обещающих одно и то же кандидатов. Самые талантливые среди них – «коммерсанты от политики» – стали спекулировать на чувстве патриотизма, напоминать обо всех исторических обидах русского народа, апеллировать к ностальгическим чувствам по былому величию Великой Державы, банально давить на простейшие инстинкты человека и общества, обеспечив себе надёжный и верный путь к политическому успеху.

– Вы слышали, слышали, – возбуждённо обсуждает политдебаты народ, – как этот-то того поддел? Обхохочешься!

– А тот-то как потом ему ответил!

– Да-а! Умный мужик!

– А как дрались-то, как дрались-то потом! Как этот-то тому по харе съездил! Потом даже повтор этого момента показывали, как гол в футболе!

– Ну и что? Что с того-то? – отрезвлял всех один здравомыслящий на сотню слепо верящих. – Один грязью другого облил, другой ушат помоев на третьего вылил, третий за воротник четвёртому покакал и размазал, а дальше-то чего?

– А дальше они все вместе пошли обедать в депутатскую столовую.

– Вот то-то и оно! Это же не политика, а игры для взрослых мальчиков. Не работа, а счастье, за которое им ещё и большую зарплату платят.

Но куда же деваться народу от игр этих взрослых мальчиков? Всем же не убежать, да и почему человек должен бежать куда-то сломя голову из своего дома? Ведь государство похоже на семью, а семья очень похожа на государство. Есть семьи дружные и сплочённые с разумной главой, который дорожит благополучием близких и делает всё возможное для их благополучия. Есть семьи, где глава сам не знает, на кой ляд он всё это затеял: ему не только тяжело заботиться о своих детях, но и себя он еле носит. Он постоянно думает, как бы попокастнее растратить семейный бюджет. Он может беззастенчиво промотать то, что принадлежит семье, может пропить даже поношенное бельё жены и старые игрушки детей. Со временем в такой семье наступает взаимное отчуждение, и хотя люди в ней всё ещё живут вместе, но уже каждый сам по себе. Иногда такая семья маскирует внутренние трещины, так что окружающим она кажется вполне нормальной. Иллюзия семейной идиллии, суррогат счастья – что может быть тяжелее этой фальши? И это так похоже на тот лоск, которым стала маскировать себя Россия перед чужими странами, не стесняясь собственных граждан. Внешний холёный вид нашей страны на мировой арене стал важнее её внутреннего плачевного состояния. Недовольство этим у нас принято считать политической близорукостью, хотя многие уже порядком подустали от патологической дальнорукости наших гениальных политиков, которые смотрят куда-то за горизонт и ничего не видят у себя под ногами. А вообще-то хочется, чтобы наконец-то появился человек с нормальным зрением. Просто с нормальным зрением. Чтобы и далеко смотрел, и ближе пространство обозревал.

Короче говоря, вскоре с таким горе-управлением многомиллионное государство, богатейшее по природным и человеческим ресурсам в мире, впало в нищенское состояние. И ведь никто так до сих пор и не объяснил, ради каких таких амбиций всё это было сделано. Противнее всего осознавать, что всё произошло из-за гипертрофированной жадности и патологической глупости небольшой горстки каких-то мазуриков. Российский народ-то всегда жертвовал личным благополучием в интересах государства, и многие этим вечным жертвоприношением даже гордятся. Но ради чего всё было затеяно на этот раз? И ведь какие

люди! Не какие-то первобытные дикари, что обитают где-нибудь в джунглях Африки и ничего не умеют, не могут и не хотят. Речь идёт об инженерах, рабочих, строителях, земледельцах, военных, учителях, врачах, специалистах самой высокой квалификации, которым говорят, что они «не просекают фишку», поэтому и влачат жалкое существование. И получается, что те, кто учит нас жизни каждый день с телеэкрана, эту самую фишку «просекли», чего и нам от всей души *желают*.

А ещё повылазили из расщелин подсознания разные астрологи, нумерологи и прочие дураологи, начавшие доказывать, что ежели у вас нет денег, то на момент вашего рождения Солнце, будь оно неладно, присутствовало не в том знаке Зодиака. А если выяснится, что в том, но зарплату вам не платят, то, значит, Луна на момент вашего зачатия, прости Господи, гуляла где-то с кем-то не в том месте. Но если у вас Луна и Солнце и в момент зачатия и в момент рождения были там, где надо, а деньги все-таки обходят вас стороной, то следует проанализировать нумерологическое значение своих имени, отчества и фамилии – видимо, здесь собака зарыта. Эти сказки для взрослых настолько подействовали на воображение впечатлительных россиян, что они стали лихорадочно вычислять что-то, складывая дату рождения с тарифом своего профессионального разряда и номером квартиры, умножая полученное на год рождения прабабушки по линии отца, предварительно отняв от него дату смерти прапрадедушки по линии матери и размер правой ноги в дюймах. Казалось, ещё немного, и у заводской или фабричной кассы или в каком-нибудь собесе можно будет услышать такое:

– Вам по гороскопу сегодня деньги не положены! Вы недостаточно сконцентрированы на привлечении финансов в свою жизнь. Идите снимать венец безденежья к квалифицированному специалисту! Пройдите курсы повышения заработной платы, получите сертификат международного образца и тогда приходите к нам.

Пока интеллигенция упорно исчисляла имя своё, а рабочие внимательно рассматривали свои мозолистые широкие ладони, где чернели линии судьбы и жизни от въевшегося в них мазута, отыскивая в потрескавшейся коже хоть какой-то намёк на знаки богатства и благополучия, те ловкие деятели, которые должны были заниматься властью в нашем государстве, а не только благоустройством своей жизни, и у которых, надо полагать, всё было на мази не только с Солнцем и Луною, но и со всеми другими небесными телами и объектами, дорезвились и допрыгались до того, что их перестали воспринимать как что-то серьёзное. Так дети, которые постоянно наблюдают непотребное и омерзительное поведение родителя, перестают уважать и почитать его, даже если он и грозит им пятой заповедью Моисея, и верещит что-то о божественности власти. Но окружающие никакой божественности в нём не видят, а видят только вора и пьяницу, требующего к себе почтения, которого не заслужил.

А что же наша госпожа Власть? Что она делала, когда начинались эти пресловутые 90-ые годы, которые теперь некоторые циничные наши граждане называют лихими? Я лично ничего лихого в них как не видела, так и не вижу: десятилетие вымирания, самоуничтожения, упадка и распада некогда великой страны. Хотя иные извращенцы и в разложении дерьма способны увидеть нечто лихое и залихватское, а уж в упадке и гибели своей Родины – тем паче.

Но вернёмся к Власти. Она, надо заметить, дама капризная и не потерпит, чтобы помимо неё занимались бы ещё чем-то другим, пусть даже это *другое* является самым перспективным бизнесом. Она не того поля ягода, чтобы без надобности долго лежать. Это вам

не сказка Салтыкова-Щедрина, когда совесть лежала где-то на дороге, «истерзанная, оплётанная, затаптанная ногами пешеходов». И каждый её новый владелец спешил поскорее от неё избавиться, отшвырнуть от себя подальше, как негодную ветошь, потому что, сказать по совести, без совести значительно легче жить: «подставлять ближнему ногу, удобнее льстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать», и ничто не огорчает, не заставляет задуматься. Короче говоря, кайф полный, а с совестью-то этой столько мороки, что и жить не захочешь!

И вот эта самая Власть, видя такое пренебрежительное к себе отношение, взметнулась Жар-птицей в вольное русское небо, что только её и видели. И те, кто Властью должен был заниматься по должности, даже за хвост её не успел ухватить. Это сделали мальчики с крепкими кулаками, воспитанные по принципу «если враг не сдаётся – его уничтожают». Они, как и многие их сограждане, не смогли найти себе применение в новой России, поэтому стали создавать свои маленькие империи, где все подчинялось лишь им. Так что в каждой деревеньке, в каждом захолустном городке стали появляться свои местные и очень влиятельные авторитеты. Криминальные. Потому что при бездействии прежних законов новые сначала всегда являются нарушением прежних, то бишь криминальными. Но так уж устроено человеческое сообщество: если официальной власти не до Власти, а больше заботит покупка острова в тёплом море и прокорм многочисленного прожорливого окружения из неугомонных прихвостней и шестёрок, то Власть неизбежно перетекает в другие руки, которые, надо отдать им должное, держат её крепко, пусть даже в небольших масштабах.

Я под Властью подразумеваю не пассивное сидение на троне или в шикарном кабинете, а способность влиять на ход событий в своих владениях, знать любой закоулок, каждое настроение своей империи, распоряжаться ею и быть уверенным, что твои распоряжения будут в точности выполнены. А тут наметилось ещё одно раздвоение в государстве, когда обитатели тронов и кабинетов перестали влиять на то, что творится в их царстве. И когда руководство страны принимает закон, например, об ограничении рекламы табака и непотребного образа жизни, она продолжает оставаться на своём месте. Шокирует именно то обстоятельство, что такое «руководство» на самом деле не может справиться даже с таким пустяком, не говоря о вещах более значительных, потому что реальная Власть находится в других руках, а официальная власть словно бы подчиняется ещё какой-то невидимой Власти.

Вот и Слава Трубачёв ещё в те годы, когда в стране за трон в Кремле боролись Первый (и последний) президент СССР и Первый президент России, создал для некое подобие личного княжества сначала в нашем городе. Далее власть его стала распространяться и на соседние окрестности. Слава в своё время не очень успешно учился в Политехническом институте в середине 80-ых годов, но зато хорошо продвигался по общественной работе. Однажды он влип в неприятную историю: зачем-то украл кассетный магнитофон у приятельницы. «Бес попутал», – сказал он тогда. А кассетный магнитофон в те годы был ценностью необычайной, в отличие от своего катушечного старшего брата, который весил больше современного телевизора. Суд да дело, и получил Трубачёв небольшой, но всё-таки срок. Отсидел всего год, но, обладая природным артистизмом, с наслаждением изображал потом из себя матёрого уголовника, который провёл на нарах по меньшей мере полжизни.

Ещё в 60-ые годы советская интеллигенция увлеклась тюремными песнями, блатным шансоном. Это было необычно, пикантно, ново. Что пришло из тюрьмы – так что ж: полстраны в лагерях отсидело. Тюрьма воспринималась не местом пребывания преступников, а как интересный мир, где побывали такие человецища, как Лихачёв и Бродский. В 90-ые же годы вообще вся страна с какой-то необъяснимой бравадой стала изображать из себя братву и к месту, и не к месту. Все стали изъясняться исключительно «по фене», которую можно услышать теперь в университетах и банях, в кулуарах власти и в кругу интеллигенции, от сотрудников милиции и школьных учителей, на эстраде и в кино, которое в большей

степени теперь просвещает людей относительно новых норм новорусского языка. Русская речь истощилась настолько, что люди разучились подбирать нужные слова для выражения чувств, поэтому даже влюблённые стали не свидания назначать, а «забывать стрелку», как поётся в одной современной песне: «Девчонка *стрелку забила*, а где *конкретно* – *забыла*». В каждой строке половина слов – блатные. Дошло до того, что милиция стала называть себя блатным словечком «менты».

В моём доме живёт человек, который отсидел несколько лет ещё при Брежневе за то, что привёз как-то из рабочей поездки в капстрану Финляндию три пары джинсовых брюк и продал их здесь знакомым. Так он совсем не использует в речи эту самую феню, а те, кто никогда не сталкивались с тюремным миром, шпарят на ней так, что могут запросто сдать экзамен на филфак по данному наречию. Такие гениальные актёры, как Евгений Евстигнеев или Георгий Менглет, очень убедительно играли махровых воров в законе и без фени, а нынче так никто уже не умеет почему-то. Говорят, что когда наши юмористы, выступая где-нибудь в Штатах или Израиле перед бывшими соотечественниками, покинувшими Родину в эпоху Советского Союза, начинают читать рассказы с использованием блатного жаргона, то их юмор никто не понимает, потому что слушатели, живя в чужой стране, сумели, в отличие от нас, живших в России, сохранить настоящий русский язык, какой теперь можно услышать разве что в телепередачах Виталия Яковлевича Вульфа. Крупнейшее государство мира заболело тюремной романтикой и стало похоже на зону, где действуют не законы, а всё делается «по понятиям». Тюремные нравы и нормы взаимоотношений уголовников прижились в школах, в семьях, на производствах, но больше всего замашек позаимствовала у этого специфического мира наша многострадальная армия, где участились убийства солдат, которые осмелились жить не «по понятиям».

Всех опьянила воля. Именно воля, а не свобода. Свобода – понятие чисто европейское, которое у нас всегда предстаёт чем-то неопределённым и слишком уж философским: не знаешь, что делать с ним и с какого края к нему подойти. А воля – это уж точно наша родная стихия, как бескрайнее небо и безбрежные российские просторы. И вот такая же безграничная воля у нас очень быстро переходит в крайнюю свою разновидность – вседозволенность, самоутверждение превращается в самоуправство, где «сам царь не указка», и человек начинает делать не то, что ему действительно нужно, а что только вздумается. Словно в мозгу разжалась долго сжимаемая пружина: она достигла своего обычного состояния, но продолжает раздвигаться дальше уже по инерции движения; словно человек ищет какой-то предел, хочет дойти до самой невозможной крайности в своих поступках и страдает, когда чувствует, что уже не знает, чем же ещё удивить самого себя.

Когда началась Перестройка, то появилась надежда, что «затравленные» советской цензурой авторы вынут из глубоких столов залежавшиеся шедевры. Но этого не произошло, не появились новые Салтыковы-Щедрины и Гоголи. Если совсем недавно у нас шептали об отсутствии в СССР свободы для людей искусства и науки, многие из которых из-за этого уехали на Запад, то теперь никто не пользовался наступившей свободой для этих возвышенных занятий. Большинство почему-то посчитало нужным употребить её для свободного падения к своей полнейшей деградации, потому что страна из тоталитарного государства, где главным кредо было «всё нельзя!», вдруг резко превратилась в огромную территорию, на пространстве которой всё и вся безропотно подчинилось знаменитой формуле «всё позволено!». На смену призраку коммунизма пришёл призрак Фёдора Карамазова, который хотел в скверне, в пороке своём всю жизнь прожить, потому что в пороке-то жить слаще и проще. И хотя все ругают такую жизнь, но сами живут, только тайком. Он же хотел открыто: сделать пакость и тут же в ней не только сознаться, а возвести в подвиг, в пример для подражания. Сплошные призраки, а русские граждане не знают, кого из них слушать, потому что своего ума не хватает.

– Слушайте, – стали удивляться некоторые россияне, решившие, что демократия ничем не отличается от анархии, – оказывается, сейчас ВСЁ можно! Хочешь матом орать на главной улице – ори, пока не охрипнешь, и никто слова не скажет. Хочешь пьяным валяться поперёк улицы – пожалуйста, сколько угодно! Хочешь нужду справить, но так чтоб все видели, а то в туалете как-то скучно и банально стало это делать – да сколько вздумается, окажите милость! Хочешь развратничать – соблаговолите, продемонстрируйте всем свои незаурядные способности в этом деле! Хочешь вывалить мусорное ведро из окна на головы прохожим – валяй, «облагораживай» собственную улицу! Хочешь присвоить то, что тебе не принадлежит – осчастливьте, доставьте радость! Не хочешь учиться – не учи, не хочешь работать – не работай. Вот она, свобода-то! Вот оно, Возрождение исконной Руси из коммунистического мрака!

Это самое «возрождение», которое позже назовут всё-таки вырождением, и свобода стали проявляться в том, что стало возможным на любом углу купить... «Майн кампф» Гитлера и «бессмертную поэму» неизвестного автора про Луку Мудищева. Многие почему-то именно так поняли свободу, потому что эти помои нам стали доступны. Они хлынули в страну такой резвой волной, что сбивали на своём пути любого, кто пытался предостеречь своих соотечественников от последствий такой «свободы». С нравственностью стало не ахти, но это никого тоже не пугало, потому что многие свержение самых основ нравственности воспринимали как явный признак свободы и даже совершенно серьёзно причисляли к главным «демократическим завоеваниям».

Сработал очень простой, а потому устойчивый к поломке механизм: если теперь никто не стоит с дубиной и не требует соблюдения норм и правил поведения, то надо их нарушать. Нарушать не потому, что есть какая-то особенная потребность в этом, а потому, что раз не требуют чего-то соблюдать, то именно это и НАДО нарушать. Вы замечали, что в наших электричках курят именно там, где написано «Не курить!»? Так ведёт себя ребёнок, которому родители запрещают кидаться, скажем, хлебом, но когда они уходят в гости, то ребёнок начинает с наслаждением делать именно то, что ему запрещалось, компенсируя в кураже своё недовольство оказанным на него давлением и ожидая, когда ему хоть кто-нибудь даст по рукам. Когда же ребёнок вырастет, то он начинает понимать, почему нельзя этого делать, но если это понимание к нему так и не приходит, то иногда находится кто-то с дубиной, постоянно об этом напоминаящий. А если никого с дубиной над таким человеком нет, то он, не понимая для чего, нарушает неписанные законы человеческого бытия. Это и есть несвобода, когда внутренний механизм толкает на совершение поступков, которые нам и не нужны вовсе, но мы их совершаем, потому что раньше это было невозможно. Есть люди, которым кто-то постоянно должен грозить пальцем, чтобы они вели себя пристойно, должен заставлять их учиться, работать, развиваться, к чему-то стремиться, в противном случае их непреодолимо начинает тянуть вниз. Особенно ярко это проявляется, тогда, когда государственная инквизиция, контролирующая каждый шаг личности, сменяется полным безвластием на всех уровнях. Старый порядок ушёл, а нового ещё нет даже за горизонтом.

Некоторые до сих пор то ли себя, то ли окружающих успокаивают: «Ничего-ничего, страна переберется да и успокоится. У нашей страны сейчас «переходный возраст» подростка, который вдруг получил возможность жить «по-взрослому»: пить, материться, смотреть порнуху, тратить лёгкие деньги. Но постепенно вседозволенность и вседоступность перестанут быть в новинку, в диковинку, и нормальные люди вернуться к вечным ценностям. Ну, а кому повзрослеть не дано, то так тому и быть – это «нормальный процесс». Но сколько жизней унесёт этот «переходный возраст» и как долго он будет продолжаться, насколько увеличится процент ненормальных, которые «всегда были в любой нации и во все времена»? Их никогда не было так много, как сейчас – вот что интересно в рамках одной судьбы: этот «перебес» украл у многих юность и даже зрелые годы.

Человек, ощущающий себя единицей общества, без давления со стороны будет относиться с таким же уважением к жизни других людей, как если бы он относился к самому себе. И не из-за болезненного желания угождать или задабривать всех и вся, чтобы потом попрекать и шантажировать своим хорошим отношением, и не из страха, чтобы это было учтено на Страшном суде или при раздаче похвальных грамот за гуманное отношение к себе подобным. А просто потому, что такой человек чувствует окружающий мир частью себя, так как человек не заканчивается за пределами своей кожи. Каждая отдельная жизнь влияет на весь мир, переплетаясь с другими жизнями. Для человека, который способен объять своим сознанием весь мир, причинять вред этому миру то же самое, что ударить топором по своей ноге, или вдруг одна клетка его организма начнёт забирать себе то, что предназначается другим, и со временем такая клетка превращается в раковую опухоль от переизбытка материи в одном месте. Люди дышат одним воздухом и живут под одним небом, и тот, кто отравляет этот воздух и это небо, приносит вред не только себе, но и окружающим.

Человек, который похвально относится к людям и ждёт за это награды, похож на глупца, с гордостью вещающего:

– Я ни разу не отрубил себе палец, хотя и мог бы! Вот какой я хороший, а меня даже никто не похвалит за это! И этот чёртов палец мне даже спасибо не сказал за моё хорошее отношение к нему.

И вот пришло время, когда правительство перестало чувствовать себя частью государства.

– Как хотите, так и выживайте, – словно сказала оно совершенно равнодушно тем, кто его выбрал в надежде на лучшее и согласился содержать своим бесплатным трудом. – Каждый сам за себя.

– Да как же так? – ещё недоумевали люди, не желая верить своим ушам и глазам. – Мы же вас выбрали, мы же вам власть доверили, чтобы вы...

– Моя твоя не понимайт. Сами о себе думайт.

– Ну сами так сами, – развели руками люди, уставшие удивляться и недоумевать.

Наступило взаимное непрошибаемое безразличие между властью и народом. И это похоже на обособленность мозга от остального организма при запредельной коме, когда телу нужна внешняя система жизнеобеспечения и контроля, так как все части его уже разобщены и дают сбой в прежде согласованной работе.

В нашем городе многие тоже заболели такой разобщённостью и подхватили вирус вседозволенности. Как говорится, каков поп, таков и приход. Выплата зарплат задерживалась повсюду на несколько месяцев и даже лет. Когда она всё-таки доходила до уставших ждать заработанных кровных денег людей, то воспринималась не что-то само собой разумеющееся, а как праздник, за который надо благодарить снисходительное и великодушное начальство, соблаговолившего-таки обратить царственный взор на своих холопов. Все стали заниматься, чем только могли. Всего разнообразия способов заработать и не перечислишь, наблюдая такую махровую «дерьмократию». Назвали всё это заморским словом «бизнес», под которым каждый понимал то, что желал. У некоторых эти представления нервно балансировали на грани законности и просто обычной приемлемости.

Однажды на нашей железнодорожной станции у проходившего товарняка развалилась тележка под платформой. Особой аварии не произошло, тем более что грузовые платформы были пустыми. Они в сторону границы шли с лесом, а возвращались порожняком. Но несколько колёс скатилось с насыпи. У железнодорожников не оказалось грузоподъемного крана, чтобы их собрать, поэтому они махнули рукой и решили приехать на следующий день с краном, резонно решив, что никто не возьмёт эти колёса и несколько оторванных автосцепок: кому они могут понадобиться, тем более и весят они несколько центнеров, если не тонн? Каково же было их удивление, когда на следующий день они не нашли даже обломков проржавевшей насквозь тележки, не говоря уже о колёсах. Колёса местные «бизнесмены» раскатали по округе, причём выяснили, куда их можно успешно «толкнуть» каким-то полякам, у которых очень ценится именно такая сталь, идущая на выплавку осей колёсных пар для железнодорожного транспорта. Да вообще-то сталь во всех странах ценится, а у нас она почему-то повсюду валялась и гнила ещё с советских времён, пока её не подобрали «охотники за металлами». И не просто подобрали, а даже отодрали оттуда, откуда нельзя. Но «нельзя» – это для неудачников, которые «не просекают фишку», а людям успеха в новой России всё позволено.

Железная дорога больше всего пострадала от так называемой индивидуальной трудовой деятельности в городах и всях нашей Родины. Там, где имелись заброшенные депо и мастерские, велись настоящая «рельсовая война» и охота за цветными металлами. Появились деятели, которые, например, резали дерматиновые сиденья в электричках и шили из этого кошельки, сумки, тапки. И даже умудрялись сварганить целые куртки! Покупали эти изделия с ажиотажем. В те годы кожаная куртка была большой редкостью. Тогда ещё носили пальто из искусственного материала – не помню, как он назывался, но под которым, когда он изнашивался, проглядывал тонкий слой поролона. Когда появились настоящие кожаные куртки, то первая банда города, которую возглавлял какой-то безымянный авторитет из бывших пэтэушников, додумалась раздевать их владельцев.

Это была та самая оголтелая шпана, которая раньше бодалась где-нибудь на танцах шеренга на шеренгу с многозначительными быковатыми высказываниями такого типа:

– Ты Пашу Филимонова с улицы Красного Подшипника знаешь?

– А ты про Саню Кочерыжкина с Фанерного проспекта слышал? Вот мы как раз из его команды.

– Да чихать мы хотели на вашего Саню с Фанерного! Вот наш Паша!..

– Чё-о?! На Саню вам чихать?! Да мы вам за нашего Саню!..

– Да мы вам за Пашу!..

– Мужики, наших бьют!

И между мальчиками, которые после первых в жизни стакана самогонки, сигареты и шалавы начинали совершенно серьёзно считать себя уже настоящими состоявшимися мужчинами, начиналась потасовка.

Но первое убийство потрясло многих. Все почувствовали, что пейнтбол закончился и начались нешуточные дела. Убили молодого парня, который шёл вечером с электрички. Просто зарезали. За куртку. За кожаную, но ведь жизнь-то не сравнима с курткой! Как-то Максим Горький-то сказал, что «человек есть вселенная», дороге которой не может быть ничего! «И да здравствует вовеки он (человек), носящий в себе весь мир». Нынче человек – это физический объект, который надо умертвить, чтобы он не препятствовал завладению его имуществом, и, как утверждал генерал Клаузевиц, «на войне всякая идея человеколюбия – пагубное заблуждение и нелепость»... И ведь зарезали-то как грамотно, со знанием дела: куртку не повредили. Сначала ударили в ляжку, а потом – в горло. Наверное, испачкали трофей, да кровь можно и отстирать. Всё можно, когда такая свобода кругом.

Говорили, что потом эти куртки и плащи продавали где-то на рынках, иногда даже с порезами от ударов ножа. Я с первых отпускных купила обнову – кожаный пиджачок, так он несколько лет висел в шкафу. Страшно ведь! А ну как его сняли с убитого? Да и вообще, что будешь делать ты, слабая женщина, когда приставят нож к горлу? Ничего ты не сделаешь, даже пискнуть не успеешь.

Трубачёв же поначалу шалил довольно-таки безобидно, потому что казалось, что всё само ему идёт в руки и всё с рук сходит. Но потом, когда в стране началось особенно ярко выраженное безвластие, он вдруг резко угомонил «курточников» – кого-то особо борзого прирезали, кого-то придушили, а кто-то и сам перешёл в банду Трубачёва и стал «курировать» районный рынок, где и продавались все эти куртки, плащи и другое. То есть занялся рэкетом, и с тех самых пор его перестали называть по имени, и окончательно закрепилась за ним кличка Горнист. Он очень быстро, что называется, забурел и заматерел. Вскоре в этом состоятельном господине на дорогущей машине с личным шофёром и охранниками уже нельзя было узнать нашего пионервожатого Славика.

– Учитесь жить, пионеры, – назидательно говорил он нам теперь, когда изъявлял желание пообщаться с кем-нибудь из простых смертных. – А то ведь вы так до самой пенсии будете себе на похороны копить, и не накопите.

С ним никто не спорил, так как правда теперь прочно закрепилась на его стороне.

Банда Горниста состояла из вчерашних пионеров и комсомольцев, из чьих голов быстро выветрились былые идеалы в свете нищенской криминальной действительности и стремительного обогащения небольшой горстки власть имущих. Сам он, как шептали в посёлке, лично никого не резал: не любил пачкать чужой требухой свою дорогую одежду и руки в перстнях с настоящими бриллиантами. Да и холодным оружием не умел обращаться. На окружение он воздействовал своими лидерскими качествами и – чего было у него не отнять – обаянием и артистизмом. Он всегда держал при себе парочку молодцев, которые в ранней юности основательно испортили свои мозги регулярным приёмом всякой дряни, отчего у них, как сейчас говорят, «съехала крыша». Они-то и выполняли всю грязную работу, связанную с кровью. Никто с ними не был знаком, а кому довелось познакомиться, тот уже ничего не мог сказать, так как покойники не разговаривают. И убийства-то всё пошли с каким-то привкусом психопатологии.

– Ну надо тебе убить человека, – стали ужасаться люди какой-то средневековой жестокости современных русских мальчиков, – можно же сделать это как-то спокойнее, если, конечно, к убийству применимо такое слово. Зачем же человека головой совать в печь или в ванну с кислотой, глаза выкалывать, уши резать, зажжённые петарды в рот и зад засовывать да шкуру заживо сдирать, причём на глазах близких родственников? Где же они этому научились, если ещё вчера были невинными октябрятами в коротких штанишках? Оно, конечно, дурное дело – нехитрое, но нельзя же, в самом деле, так быстро одичать!

– А чего удивляться-то? У нас вот совсем недавно пытки в тюрьмах применялись на законных основаниях – а может, где-то и до сих пор применяются, – чтобы человек сознался в том, чего он и не совершал. А если он упрямился, то грозились за его близких взяться, да так, чтобы он тоже всё видел и слышал. Чем не рэкет? – устало отвечали другие и переходили на шёпот: «Тут вот в одной передаче рассказывали, как беременную Ольгу Берггольц в НКВД во время допроса следователь так бил ногами по животу, что у неё тут же выкидыш произошёл, но следователя это не остановило. И, как потом выяснилось, никакого преступления за ней не было. Да если и было что, то каким же псом надо быть, чтобы так беззащитную бабу на сносях истязать?! И кому нужен такой закон, во имя которого можно так над людьми куражиться?» А ведь этих палачей много было, и многие из них, должно быть, живы до сих пор, и их дети и внуки тоже живут где-то сейчас с такой вот гнилой наследственностью. Сейчас все грехи на Сталина списали, а что бы он делал без всех этих шестё-

рок, которые в застенках над людьми измывались для собственного удовольствия и которым так никто ничего и не предъявил? Так что и удивляться тут нечему: всё закономерно. Корни сегодняшнего положения дел в стране не вчера проросли. Если к власти в семнадцатом году пришли бандиты – а как ещё назвать тех, благодаря кому страна была по колена в крови, – если потом учили вырезать под корень свой же народ, стрелять, сажать, доносить, гнать из страны, что могло вырасти?

– Но не все же мы мразь и преступники!

– Да, не все, но посев был злодейский!

Иногда после таких диалогов в автобусе, в метро, в очередях возникала драка. Происходящее напоминало какой-то дурной сон, непроницаемый мрак, словно ядовитый чёрный осадок поднялся со дна человеческого сознания и надолго замутил и отравил собой чистую воду. Иногда казалось, что стоит только проснуться, а за окном светит солнышко, и всё хорошо. Но пробуждение не приходило, и оставалось только ждать, что и это пройдёт.

– Пережила Россия Ивана Грозного, пережила Петра Великого, – успокаивали себя россияне, – пережила и Ленина, и Сталина, и Хрущёва с Брежневым. Пережила Перестройку, переживёт и это дерьмо. Русский народ и не из такого пекла выходил.

Времена не выбирают —
в них живут и умирают

Но последующие события развивались, как в сказке: чем дальше, тем страшней. Горнист решил прибрать к рукам предприятие по добыче торфа, где очень кстати совсем незадолго до этого в пух и прах проворовалось бывшее руководство, уехавшее ещё до начала следствия на постоянное место жительства в какие-то тёплые страны. Сельское хозяйство и промышленность Горниста мало интересовали. Настала пора, когда в Россию не только сливочное масло стали завозить из-за рубежа, но даже простые канцелярские скрепки и кнопки отечественного производства из магазинов полностью вытеснили заморские товары. Но края наши очень богаты пока ещё лесом, из которого, говорят, делают знаменитую на весь мир финскую бумагу. Западные экономисты подсчитали, что, благодаря такому природному богатству, коренные россияне могли бы иметь очень высокий уровень жизни, но для этого не хватило одного звена – разумной власти. Лес стал вырубаться и распродаваться направо и налево, с чего Горнист также имел солидный доход.

Он задружился с милицией, к которой у людей сформировалось двойное отношение. Теперь уже никто не говорил, что «моя милиция меня бережёт», потому что на экраны нашей страны один за другим начали выходить шедевры кооперативного кино, где милиция выступала в крайне негативном виде по сравнению с изысканными, находчивыми и романтичными ворами и совестливыми убийцами, которые живописно кувыркались в воздухе с пистолетами в руках в борьбе с продажными «мусорами» и всегда хитроумно уходили от погони. Убийц, кстати, все стали называть поэтическим словом «киллер». Главным положительным героем киноэкрана стал проворный жулик с навязчивым желанием обводить вокруг пальца всех и каждого, включая своих близких и чуть ли не себя самого. Самый распоследний чёрт мог бы воскликнуть при просмотре всего этого, где порок не наказан, добро не торжествует, да они и вовсе поменялись местами: «Уж я и хотел бы, чтобы люди так восхищались всеми видами греха, но не до такой же степени, в самом-то деле!». Люди, посмотрев такие фильмы, уясняли одно: бандиты злодействуют, органы правопорядка бездействуют, и ничего с этим не поделаешь. Ушли в небытие благородные и неподкупные герои вроде Глеба Жеглова и Володи Шарапова. Их сменили какие-то прибалтнённые неустойчивые личности, которые сочетали в себе все виды человеческих пороков. Конечно, все понимали, что милиционеры не обязаны быть ангелами. Но зачем навязывать образ МВД, где служат только садисты,

трусы, жулики да алкоголики, которые при этом очень похожи на отпетых уголовников? Они почти вытеснили обычную человеческую порядочность из киношных правоохранительных рядов своей малообразованностью и недоразвитостью. Я не знаю, как на самом деле было: то ли милиция скопировала эти новые образы, то ли эти образы были взяты из реальной жизни, но всё-таки не верю, что в одной профессии может собраться столько случайных людей. Хотя при массовой безработице всё возможно.

Так или иначе, но к милиции стали относиться настороженно. Неизвестно, кому это было надо, но раз показывали такое кино, то, значит, это было кому-нибудь нужно. Я, кстати, не видела ни одного американского или европейского фильма, где полиция или армия были бы показаны в виде сборища каких-то пьяных дегенератов. Только в конце 90-ых стали появляться фильмы, которые можно было бы объединить под названием «Граждане, не пугайтесь милиции – не такая она у нас уж плохая и безнадежная!», но людям всегда очень трудно отвыкнуть от сложившихся стереотипов.

Милиция стала плохо финансироваться, как, впрочем, и все остальные общественные институты. Так в организме при отказе мозга все органы начинают испытывать затруднения в получении питательных веществ. Был в местном отделении милиции нашего города такой старый-престарый автомобиль, какие в просторечии называют «козелками». Он не просто был старый, а больной, как служебный пёс, который верой и правдой в течение многих лет гонялся по ухабам и бездорожью за разными нарушителями. А тут совсем сдал.

Как-то раз наш участковый вместе с другими сотрудниками милиции преследовал на нём братьев Колупаевых, которые срезали несколько метров контактного провода на запасных путях у соседней станции. Они уходили от милиции на мотоблоке с тележкой, который используется при вспахивании огорода, с «чудовищной» скоростью – приблизительно пять километров в час!

– Стой, Колупаев! – кричал в жестяной рупор наш участковый Николай Борисович. – Стой! Стрелять буду!

– Да стреляй: в тюрьму сядешь, с нами посидишь! У тебя и патронов-то нету! – хохотали оба брата.

Патронов действительно не было, но участковый продолжал преследование.

– Никак Борисыч гонится за кем-то? Ты глянь, как резвятся наши мальчики, – прятались за своими заборами битые жизнью местные граждане. – Вот бандитизм-то и до нас докатился, Господи!

Маленькие мальчишки на обочине с восторгом наблюдали, ковыряя в носу, как милицейская машина добросовестно преодолевала почти все препятствия, какие могут быть на размокшей после дождей никогда не асфальтированной дороге. Мотоблок отрывался от преследования.

– Саша, педаль в пол! Уходят же, уходят! – кричал участковый водителю.

Саша выполнил команду участкового, и машина, перескочив через очередной ухаб, жалобно всхлипнула, потом чихнула и выронила из своего пожилого чрева какую-то жизненно важную деталь, которая смачно плюхнулась в жирную грязь. Автомобиль встал, как вкопанный, и никуда больше не поехал. Участковый долго матерился и чуть не плакал оттого, что сам не понимал, чем он тут, собственно, занимается. После этого он стал ездить на велосипеде и развивал довольно-таки приличную скорость.

Горнист был дружен со всеми местными милиционерами, так как все они ходили в один детский сад, учились в одной школе, маршировали в одном строе под бой барабанов и звуки горнов, гоняли мяч в одной школьной футбольной команде, списывали друг у друга на уроках и экзаменах, мылись в одной бане, влюблялись и ревновали одних и тех же баб, вместе выпивали. Да не перечислишь всего, что ещё им приходилось делать вместе. Когда жизни людей настолько тесно переплетаются в маленьком мире посреди бескрайней страны,

им неловко конфликтовать друг с другом: детские и юношеские привязанности наслаиваются на профессиональный долг.

Трубачёв решил подарить отделению милиции свой *старый* «Мерседес»: у него их уже в то время было несколько. Тогда ещё ходил по стране анекдот, как новый русский продаёт свою «старую» машину только потому, что там уже полная пепельница окурков. Как они там это дело оформили – никто не знает, да и не интересовались особенно, так как свои уши дороже. Но претензий к его банде со стороны милиции поубавилось.

– Надо же, – осторожно восхищались некоторые граждане. – Теперь и у нас своя мафия появилась. Прямо, как в кино!

– Да какая это мафия? – не соглашались другие. – Набьют деньгами свои карманы и европейские банки, да и свалят за бугор. Это сицилийская мафия постоянно живёт на своей Родине и в её же развитие деньги вкладывает. Колумбийские наркобароны, говорят, тоже своей стране доход какой-никакой приносят, а от наших проказников один урон и разорение. Иностранцы финансируют реставрацию наших памятников и музеев, а наши нувориши деньги в казино прожигают.

Постепенно все привыкли к новому порядку. Но тут возникла ещё одна фигура, о которой стоит сказать отдельно. Дело в том, что ещё большей властью в наших краях обладал другой криминальный авторитет по кличке Вожатый. Так его окрестил сам Горнист, потому что этот самый Вожатый, в самом деле, был его пионервожатым, и когда Горниста, тогда ещё Славика Трубачёва, принимали в пионеры, Вожатый повязал ему пионерский галстук и сказал: «Будь готов!», а наш Славик звонко ответил: «Всегда готов!» И эти, тогда ещё чистые и наивные мальчики, отдали друг другу пионерский салют.

«В миру» Вожатого когда-то звали Константин Николаевич Волков. Я помню, как он приходил в нашу школу после армейской службы на занятие по военно-патриотическому воспитанию. В годы моего детства в школах очень большое внимание уделялось такому воспитанию детей и молодёжи. Но часто это самое воспитание сводилось к рассказам о тех ужасах, которые способен творить человек при вооружённых конфликтах с себе подобными. Нам говорили, что кругом враги, которые не дремлют, а клацают зубами в наш адрес и только того и ждут, когда же наступит удобный момент, чтобы уничтожить нашу прекрасную страну; что весь мир настроен против нас, так что мы на каждом шагу готовились к обороне: младшие классы учились правильно бросать гранаты, старшеклассники сдавали зачёт по сборке и разборке АКМа, а старшеклассницы ломали ногти при заполнении на скорость магазина патронами. Нас воспитали, что за всем стоит «мировой заговор» против СССР, поэтому большинство из нас подсознательно с детства обиделось на весь мир. Иногда становилось грустно и горько от рассказов, что наш СССР никто не любит, и, как нам доказывали, только ленивый ещё не плюнул в нашу сторону. И там-то нас не любят, и сям не уважают, и мы никого не любим и не уважаем за это. В целом, это очень отравляло солнечное мироощущение, какое всегда бывает в детстве. Как же можно не любить нашу страну, вопрошали мы изумлённо, если она же самая лучшая и разумная?! Нас тогда ещё учили писать слово «Родина» с прописной буквы, как до революции писали с прописной буквы самое главное слово «Бог». Я это слово до сих пор пишу с большой буквы и никак не могу отучиться от этой привычки.

Жизнь показала, что даже такую грандиозную империю, способную, казалось бы, противостоять любым врагам, можно легко развалить и без ведения огня. Достаточно объявить элементарную мораль и нравственность – самые простейшие законы человеческого бытия – предрассудками и глупостями для всех слоёв общества: как для «верхов», так и для «низов». Тогда главным национальным героем станет тот, кто в большей степени нарушил эти законы. Пьянство, воровство и вседозволенность, как термиты, сожрут любые опоры государственности. Это легко сделать, если человек ведёт себя нравственно не по личным внутренним убеждениям, а потому, что просто боится наказания со стороны грозного закона, так как с уменьшением действенности этого закона человек выпускает из себя все тридцать три несчастья, как из ящика Пандоры, и начинает собственноручно разрушать себя и других. Если общество придерживается моральных и правовых норм не из искренней убежденности в их необходимости, а из боязни санкций правоохранительных органов, то оно легко с ними расстанется, рано или поздно.

В советское время считалось, что именно боевая подготовка является самой надёжной защитой Родины от любого врага. Это было похоже на поведение дикаря, на которого ещё никто не нападает, но он уже обороняется. Происходящее он воспринимает в качестве угрозы и опасности, как первобытные люди страшились любого явления природы. А чем цивилизованнее человек, тем менее он агрессивен к окружающей среде. Дикарь же машет дубиной в темноте и бьёт по своим. Нас не учили дипломатии человеческих отношений и тому, как защитить себя и свою страну от своей же глупости и дикости. Нам не говорили, что любая война аморальна, что это – трагедия одних и слава других, громкие имена генералов и адмиралов и огромные захоронения того, что осталось от безымянных солдат и матросов. Нам ставили в пример как раз тех героев, которые не щадили своих жизней и умирали за Родину, не раздумывая. Меня всегда смущал тот факт, что в нашей стране патриоты обязательно должны умирать, и чем ужаснее их смерть, тем больше ликования по поводу такого «патриотизма». Казалось странным, почему военное дело надо изучать, а учиться жить в мире не обязательно. Нам, маленьким детям, рассказывали о страшных зверских пытках, через которые прошли многие пионеры-герои и молодогвардейцы. Пугала такая кровавость Родины в отношении своих детей. Нам в страшных снах снились искалеченные и изуродованные палачами юные патриоты-великомученики. Я скрывала эти кошмары, думая, что разберусь во всем, когда вырасту, но понять систему становилось всё сложнее. С годами я ещё меньше стала понимать такую любовь нашей Родины к смерти своих детей. Разве нормальная мать – а образ Родины в России всегда ассоциируется с образом матери – будет призывать своих детей отдать за неё свои жизни, как бесноватая и взбалмошная бабёнка требует от своих туповатых поклонников прыгать с высокого моста для доказательства любви к ней?

Так или иначе, но патриотическое воспитание непременно соседствовало со словом «война». То есть если это патриотизм, он непременно связан с войной, а если не связан, то никакой это уже не патриотизм. Выражение «военно-патриотический» мы воспринимали как одно слово, в котором одно без другого не может существовать. Я никогда в те годы не слышала, чтобы назвали патриотом человека, который вырастил красивый сад на собственной земле или воспитал хороших граждан из своих детей. Какой он к чёрту патриот, если жив остался, да ещё и детей наплодить успел?! Вот если бы он пал смертью храбрых на поле боя, причём, бой может быть за что угодно и где угодно, или враги истязали бы его каким-то особо садистским способом, то это был бы стопроцентный патриот. Уж такой патриот, на которого всем следовало бы равняться. А в мирной жизни патриотизмом могли посчитать случаи особого увечья, когда в тракторе кто-то сгорел во время уборочной или с большой высоты упал, как в фильме «Высота». Такая вот странная нелюбовь к жизни и живым ради любви к Родине. У нас до сих пор многие граждане охотно рвутся на войну, особенно среди пьяных и безработных. Они любят часами возбуждённо галдеть, как могли бы в бою отли-

читься да показать там всем кузькину мать. Но в мирной жизни не способны ни превратить свою землю в цветущий сад, ни застроить её благоустроенными городами, даже себя в порядок привести не в состоянии. Потому что это для них не представляет ценности. Вьелось в мозги идея о том, что для доказательства своего патриотизма надо непременно воевать с тем, на кого укажет направляющая сила. И все уверены, что патриотизм, любовь к Родине у нас надо кому-то непременно доказывать или демонстрировать. А что это за любовь такая? Бежать надо от тех, кто требует такой любви, пока не поздно. Это вам любой психиатр скажет.

Я помню слова из есенинской «Анны Снегиной» о войне «за чей-то чужой интерес», которая поэту «всю душу изъела»:

Я понял, что я – игрушка,
В тылу – же купцы да знать,
И, твёрдо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.

Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.

Но так может написать только побывавший на войне простым солдатом человек, и никогда так не скажет представитель стана великих полководцев.

– Вот послушайте, как красиво! – говорила нам Анна Ивановна на своём уроке, когда проходили творчество Есенина. – «Иду я разросшимся садом, лицо задевает сирень»...

Та-та́м-га, та-та́м-га, та-та́м-га,
Та-та́м-га, та-та́м-га, та-та́м.

Вы чувствуете, какая мелодия у стиха! Какой ритм!

– Угу, – отвечали мы, занимаясь своими делами: кто-то читал под партой вышедшего из опалы Булгакова, кто-то играл в морской бой, а кто-то списывал домашнее задание по алгебре.

– Этот стихотворный размер называется амфибрахий, что в переводе с греческого означает «с обеих сторон краткий», – с чувством объясняла нам Анна Ивановна, притопывая ногой на иктах, а мы сдерживали приступ хохота, потому что слово «амфибрахий» ассоциировалось у нас с каким-то гоголевским персонажем.

– А вот любимый поэтом анапест с ударением на третьем слоге. Этот размер он чаще всего использовал, – и Анна Ивановна наугад открывала «Пугачёва»:

Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твоё сумасбродство.
Не хотим мы в ненужной и глупой борьбе
Лечь как толпы других по погостам...

Почувствовали разницу между этими размерами? – восхищённо спрашивала нас она как истинный фанатик своего дела.

– Ага, – отвечали мы и лукаво спрашивали, как читается отрывок:

Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то б...
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!

Тогда ещё не печатали маты в книгах, и мы хихикали при встрече в тексте «б...» и «х...». Да-а, было за что бояться Есенина советским царям, было за что его запрещать для изучения в школе...

Но это было в конце 80-ых, когда уже никто не настаивал на том, что смысл жизни советского человека заключается в борьбе за светлое будущее ценой своей жизни. А ведь очень хотелось застать его в настоящем и даже пожить в нём... Ну это уж совсем сверхдерзкое вольнодумство!

Когда к нам приходил Волков, мы учились ещё в начальной школе. Это было после кончины генсека Брежнева. Константин Николаевич показался нам очень взрослым, даже старым. И очень странным, словно из другого мира. Он тоже внимательно смотрел на нас, на наши бантики, косички и короткие чёлочки мальчишек, как будто глазам своим не верил, привыкая к новым условиям жизни, пытаясь в них сориентироваться. Казалось, что его глаза настороженно наблюдают за окружающим миром из-под низких выгоревших на солнце бровей, как из недоступного укрытия лесного зверя.

Это был очень высокий молодой человек с совершенно седой головой. Лицо у него при этом было очень загорелое, поэтому он напоминал негатив. Чувствовалось, что внутри у него тоже накопился некий *негатив*, которому он не может дать выход. Нам объяснили, что Константин Николаевич выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан и что его даже приняли в КПСС за выполнение этой важной миссии.

Особо на до отметить, как тогда смотрели на коммунистов. Не на кабинетных лоснящихся дядек в мешковатых костюмах с портфелями и амбициями из третьих секретарей Горкома пролезть во вторые Райкома, а там и в первые Обкома. Эта публика и после разгона КПСС сохранила за собой свои кабинеты. Она кое-где до сих пор на своих местах прочно сидит, хотя яростно рвала и даже ела свои партбилеты на публике после 91-го года.

И не на анекдотичных, какие появились после официального разрешения на такие анекдоты: «Я хочу вступить в партию. Куда мне обратиться? – Обратитесь к психиатру», или что-нибудь из разряда «Партбоссы в бане».

И не на членов современных политических партий, которые просто имеют в своём названии слово «коммунистическая» или «народная», а сами мало чем отличаются от других «бизнесменов от политиков».

А на коммунистов рядовых, настоящих, по убеждениям, не для карьеры. Коммунистов из простых работяг, какими были ещё наши деды. Как «Коммунист» Урбанского – лучший человек общества и его опора, хотя оно об этом даже не догадывалось. Не правильный и прямолинейный зануда, а в том-то и дело, что слишком живой и слишком эту самую жизнь любящий. И при этом он первым идёт в бой за свой народ, он умеет защищать и обустроить свою страну, даже если для этого придётся надорвать все жилы. В фильме «Офицеры» есть такой момент, когда наступают немецкие танки, начинается паника, никто не знает, что надо делать, и только какой-то безымянный коммунист знает. Он единственный сумел всех консолидировать, организовать, каждому дать направление в действиях. И как спокойно и уверенно это сделал! Не сравнить с современными истериками при дебатах в Думе. Сейчас многие из бывших советских граждан отплёвываются от этого, оправдываются и даже словно бы извиняются за своё прошлое, если их угораздило «побывать в партии». Считают это чуть ли не позором, а раньше... гордились наличием таких коммунистов среди знакомых и родственников. Теперь трудно возродить те настроения и ещё труднее их понять. Но что

делать – это часть нашей истории и нашей памяти! От истории-то ещё можно отказаться, но вот память не спрашивает, хочешь ты это помнить или желаешь забыть.

Мы были ещё детьми, поэтому, как и все юные, может быть, слишком романтизировали эти образы. Такова прелесть и, одновременно, беда юности, что она ещё не приучена брюзжать и не хочет видеть тёмное в людях прежде светлого, даже если этого тёмного там больше или светлого вовсе нет.

– Такой молодой, а уже коммунист – с ума сойти! – ахали школьные технички, когда увидели Волкова. – Мой-то пять лет в кандидатах ходил, а потом ещё три года вступал.

– Он же не просто так влез. Вишь, скоко наград! Солдатикам просто так все эти брошки не даются...

– Да тише ты!

– Тс – с!

– Ш-ш!..

Раньше нельзя было много говорить о той войне. Мало кто знал и понимал, что там происходило на самом деле. Сами непосредственные участники и очевидцы тоже ничего не рассказывали. Просто говорили чуть ли не шёпотом: был в ДРА. И говорили об этом крайне неохотно, потому что за такие разговоры могли «пригласить» для серьёзной беседы «куда следует». Сейчас мы тоже мало что знаем о той и нынешних войнах. Разница лишь в том, что сейчас стали чаще мусолить эти темы и показывать больше наспех сделанных фильмов с трупами и кровью – этими извечными атрибутами любой войны, которые почему-то всегда преподносятся их создателями как личное открытие или даже экзотическая диковинка.

Та война началась в год, когда мы пошли в первый класс, и закончилась, когда мы заканчивали школу. И так получилось, что многие мальчишки нашего поколения этой войной просто бредили. Она им казалась какой-то очень престижной работой, что ли. Они так и говорили: «Закончу в школу и попрошусь в Афганистан». Как же они завидовали тем, кто там побывал! И как же они плакали в 1989 году, когда эта война закончилась. У многих тогда если и не пропала, то изрядно пошатнулась цель в жизни. Некоторые даже пытались залезть в Югославию или Грузию, кого-то не пустили мамы, буквально легли костями на пути несостоявшихся героев. Но вот это болезненное очарование войной, воспитанное мужественными книгами, устными рассказами и фильмами про то, как это благородно, мужественно и просто круто – сложить буйну голову на поле брани – тем более, когда твоя голова в твоей стране никому особо и не нужна, так и не прошло. Они найдут применение этому боевому пылу потом.

Я недавно в одной статье прочла такие строки о мужчинах своего поколения: «Они проскользнули между Афганистаном и Чечней и сумели избежать участи послужить Родине». Дескать, такие-сякие не поучаствовали, понимаешь ли, в какой-нибудь очередной резне с какими-нибудь курдами, подлые засранцы, не возжелали, панимашь, кровушку за Родину-мать пролить!.. Вот грех-то нашли! А то у нас исторически так сложилось, что для каждого поколения новобранцев многомудрые правители уготовили по войне, а тут чего-то опросто-волосились, пять лет никого не задирали, целый выводок цыплят не у дел оказался! Кто-то тут же реагирует на эту цитату, но так пришибленно, словно оправдываясь: «Но зато они не сумели «проскользнуть» от резни на улицах в бандитских разборках! Расцвет их молодости пришёлся на сложнейшие времена, когда в стране господствовали разруха, рост преступности, перемена социального строя и прочие «прелести» реформаторской деятельности тех, кого теперя называют великими политиками. И никто не скажет:

– А где такое написано, чувырло, что человек приходит в мир, чтобы участвовать в резне? Почему наш гражданин не может служить *своей* Родине *на* Родине и *для* Родины, а непременно для этого обязан лезть куда-то за тридевять земель разнимать полудикие племена чуждых нам народов, которых мы тупо зовём братскими? Почему он постоянно обязан

вмешиваться в военные конфликты или создавать их сам, проливая свою и чужую кровь? Надо ли отдавать своих сыновей и губить чьих-то детей для достижения размытых идеалов и меркантильных целей, известных лишь горстке людей, которые в «работе» совсем не участвуют, ожидая готовый результат?

Если кто так и скажет, то многоголосье задохнётся возмущением: «К-ка-ак?! Да где ж ваш патриотизм, панимашь?.. Нет, вы только погляньте на них: они, гады, не хотят за Родину-мать свою кровь в необходимом объёме сдать!»

Но вернёмся в мои школьные годы. До начала Перестройки «присутствие» войск СССР в Афганистане преподносили как нечто нужное и правильное. Даже шептали, что советское правительство хочет сделать из Афганистана 16-ую союзную республику. Многие и недоумевали, на кой ляд она нам сдалась? Если уж присоединять к СССР новые земли (если уж нам при своих просторах совсем тесно и шагу некуда ступить), так выбрать кого-нибудь позажиточнее и поцивилизованнее, как Иран или даже Ирак, а не очередную голь-шмоль! Но такие диссидентские речи звучали только на кухнях под шум воды и бормотание радио. А в большинстве своём люди мало разбирались в интригах внешней политики.

К нам в школу приходили бывшие выпускники, ставшие воинами-интернационалистами – раньше времени постаревшие мальчики. Это сейчас думаешь: ну что такое двадцать лет? Сейчас человек в двадцать лет кажется ещё ребёнком, которому взрослеть и взрослеть, который так мало понимает в жизни, что даже говорить с ним не о чем. В двадцать лет сорокалетние кажутся стариками, а когда человеку уже за сорок, то сорокалетние кажутся ему юными. Эти же ребята нам казались даже не стариками, а людьми из другого мира. Словно нас разделяли не годы, а целые эпохи. Они были совсем другими. Сами они говорили, что это война выбила из них всю дурь, и закалила их, так что им теперь не страшны никакие трудности. Словно бы война – это лучшая воспитательница легкомысленных недорослей. Словно бы война – это не так уж и плохо.

В них было замечательно то, что они не пытались возбудить в нас чувство вины за то, что они были на войне, а мы – нет. Но они, в самом деле, были слишком молоды для такого глупого занудства. Всё-таки они были слишком молодыми. И в них проглядывали какие-то полудетские черты. Однажды наш военрук ушёл с урока – ему сообщили, что у него родился внук, и оставил нас на попечение зашедших в гости демобилизовавшихся десантников, его бывших учеников:

– Ребята, вы им объясните тут, как надо Родину любить, и всё такое.

– Объясним, Эдуард Александрович, не сумлевайтесь, – заверили они его.

Нам было очень любопытно, что это за люди, кто они, откуда. Люди из другого мира! Из мира войны! Сначала мы напряглись, что сейчас они, на манер всех скучных взрослых, начнут «рубить» что-нибудь о политике и необходимости всем и каждому проникнуться напряжённостью на мировой арене... Вместо этого они устроили нам мастер-класс по стрельбе в школьном тире. Им самим очень хотелось хотя бы теперь поребячиться. Их меткая стрельба и метание любых острых предметов вплоть до циркуля «козья ножка» нам понравились больше, чем заученные фразы про преданность идеям, которые в России всегда выгодны лишь небольшой горстке правителей. Все опьянели от счастья: у нас ещё никогда не проводили таких весёлых уроков! Мы носились между щитами, меняли мишени, гурьбой вытаскивали своими слабыми детскими ручонками глубоко засевшие в деревянные панели всевозможные колюще-режущие предметы, которые десантники туда засаживали лёгким взмахом руки с большого расстояния, хлопали в ладоши и орали: «Ещё! Ещё! Ещё!»

До сих пор удивляюсь, как они тогда никого из нас не пристрелили или не закололи. Профессионализм высочайшей пробы, что тут ещё скажешь. И совсем не было чувства, что это ребята, которые ещё несколько дней тому назад были далеко-далеко и стреляли не по

этим бумажкам с нарисованными кругами разного диаметра, а по... живым людям. «К нам приехал цирк!» – вот как можно было приблизительно описать наши эмоции от той встречи.

Им было по двадцать лет. Двадцать лет – с ума сойти! Как и что надо сделать, чтобы такого пацана заставить бить точно в цель и на поражение? И не просто заставить стрелять, а заставить его полюбить это дело... Для подобного управления людьми тоже надо быть профессионалом в своём роде.

Когда мишени закончились, за нами пришёл учитель географии. В запале мы забыли и о перемене, и о следующем уроке, и даже звонка не слышали от всеобщего помешательства. Умник нашего класса Валька Мочалкин убрал со лба намокшую чёлку и спросил десантуру:

– А как же теория?

– Какая ещё тебе теория, мальчик? – снисходительно посмотрели они на этого делового клопа.

– Ну, про происки империализма и позицию СССР в отношении растущего напряжения на Ближнем Востоке.

– Да! – загалдели и другие. – Почему нас никто не любит? Мы же лучшее государство в мире, самое справедливое и миролюбивое! Мы всех любим, мы всем помогаем в случае землетрясения или неурожая! А нас все считают врагами...

– Да-а? – сдвинул берет на лоб и состроил насмешливую гримасу самый разговорчивый из них. – Ох, горе-то како: не любят их! А ты не жди, когда тебя полюбят: пулёмёт в руки и собирай признания в любви. Отбоя нет от симпатии – уж поверьте моему слову, дети.

Мы тогда ничего не поняли из этих слов, поэтому просто захохотали, как над очень удачной шуткой. Потом один мальчик из десантников только тихо и серьёзно сказал: «Мы сами никого не любим – ни чужих, ни своих». Но его поняли ещё меньше.

После Перестройки эту войну резко объявили ненужной и несправедливой, хотя она уже съела несколько тысяч советских жизней. Обычно нам и несколько миллионов не жалко отдать за ради неизвестно чего. Воинов-афганцев перестали считать героями и объявили «захватчиками, насильно навязывавшими афганскому народу просоветский режим». Военно-патриотическое же воспитание вообще отменили. Патриотизм стал чуть ли не презрительным ругательством, а пофигизм к своей стране – модной позой. И вот от такой резкой смены ценностей в наших головах засело двойственное отношение к окружающей реальности вообще и к этой десятилетней войне в частности; войне самой долгой, какую когда-либо вела Россия после войны с Наполеоном. Праведная она была или неправедная? Нужна она была или нет? Нужна Советскому Союзу или всё-таки миру в целом? Не предшествовало ли падение режима Наджибуллы, державшегося за счёт советских танков, зарождению исламистского террора, который подстраивает под свои преступления религию и докатился нынче аж до самой Америки? Вот над какими вопросами мы задумывались в детстве, вот какие темы обсуждали на школьных собраниях и диспутах. Мы были до ужаса политизированными детьми, в отличие от следующего аполитичного поколения, которым, видимо, на нашем примере до смерти надоела политика. Мы знали в лицо всех членов Политбюро и уже в классе шестом разглагольствовали, за кого будем голосовать на выборах, когда вырастем.

И вот Волков пришёл к нам самым первым из «афганцев». Мы с любопытством смотрели на этого человека, как на героя стихов Сергея Михалкова – легендарного дядю Стёпу. Задрав головы, разглядывали его военную форму, значки и награды. Мы висли у него на руках по три человека, и он, ко всеобщему ликованию, с лёгкостью нас поднимал и удерживал. Когда его попросили рассказать «хоть что-нибудь героическое о войне», он замотал головой, и довольно-таки красивые и правильные черты его лица исказила какая-то страшная гримаса, которая волной прошла от угла губ к левому виску. При этом он издал носом такой резкий сухой звук, как если произнести на выдохе звук «к» с закрытым ртом. Нас всё это очень смешило, а старшина Волков совсем не улыбался.

– Дядя Костя, – спрашивали мы у него, – а зачем вы носом так кхекаете?

– Астма у меня, – думая о чём-то своём, отвечал он, – астма.

Что такое астма, мы тогда не знали. Астма представлялась нам чем-то вроде черты характера.

– Константин Николаевич, – обратилась к нему Лена Ковалёва, – расскажите нам, пожалуйста, о каком-нибудь подвиге. А мы напишем об этом рассказ в нашей школьной стенгазете.

– Что вам, делать нечего? – спросил он вдруг как-то испуганно.

– Нет, расскажите! О подвиге, о героизме наших солдат! – загалдели все наперебой.

Он смотрел на нас, как на сумасшедших! Он даже присел перед нами на корточки, чтобы разглядеть ещё внимательнее нас: «Дети, да кто же вам такое сказал, что там есть подвиги?». Стало понятно, что он повидал там немало «подвигов», но в этот момент он единственный из всех нас понимал, что детям нельзя рассказывать о таких вещах. Один разумный среди безумных. Мы просили, а он только испуганно отнекивался, как будто от него требовали сделать что-то невозможное, невысказанное. Мы не понимали, почему он не хочет поделиться с нами впечатлениями о войне, где должно быть так много доблести и героизма, а он не понимал, зачем нам знать весь тот ужас, который он там видел. Отрывающиеся от взрывов руки, ноги, головы. Всё это тут же падает на ещё живых. Солдат, которого ранило в живот осколком и отшвырнуло волной к стенке окопа. И вот он кричит в ужасе, глядя на расплывающиеся из своего живота кишки, похожие на живых толстых змей. А он их в ужасе от себя отпихивает, не понимая, что это – часть его же самого, важная деталь его умирающего организма... Зачем этим сумасшедшим школьникам знать об этом?

– Да расскажите же хоть что-нибудь! – нам казалось, что всё, что бы он ни сказал, непременно будет интересно. – Что вам там больше всего запомнилось?

– Змеи. Змеи там есть, – ответил Волков с какой-то безразличной интонацией. – Не такие, как у нас на болотах, а длинные и... толстые.

– Ой, фу! – запищали некоторые девчонки.

– Я вылез как-то из... Ну, не важно... А она на меня смотрит и раскачивается из стороны в сторону, танцует, значит: я, мол, тебя сейчас укушу.

– Ах! А вы что же?! А как же это?..

– А я на неё плюнул и в морду ей попал. Она зашипела и уползла восвояси.

Мы засмеялись.

– А вот это у вас откуда? – восхищённо сверкая глазами, спросил Витька Марков, звеньевой из 7-го «В», указав на небольшой шрам у Волкова на щеке у уха. – Это вас осколком во время боя задело, да?!

– Нет. Это мы в казарме ремнями дрались, и мне свинчаткой попало.

– А что такое свинчатка? – нам было всё ужасно интересно.

– Залитый под пряжку ремня свинец, – глядя куда-то в сторону, сказал он.

– А зачем? – ликование нашему не было предела.

– Чтоб сильнее бить. С оттяжкой, – сверкнул глазами Волков, расстегнул свой ремень и показал нам обратную сторону начищенной до золотого блеска пряжки.

– Ух ты, здорово!!! – трогали мы гладкий слиток тяжёлого синевато-серого металла, а мальчишки засыпали вопросами практического порядка: А где можно взять свинец? А как его расплавить? А дома в ложке над газовой плитой можно?

– Можно, – кивнул он с улыбкой доброго воспитателя, который великодушно разрешил детям на минутку выйти за ограду детсада.

– Костя, ну не надо здесь о таких вещах рассказывать, – смущённо прервал ушедший не в ту сторону рассказ Эдуард Александрович, наш военрук, полковник в отставке, который, в своё время, тоже сидел в засаде в каких-то тропических болотах одной дружествен-

ной латиноамериканской страны, угнетаемой проклятыми империалистами. – Расскажи что-нибудь... в общих чертах.

Константин Николаевич велел всем нам сесть за парты, вышел к доске и произнес стандартные воспитательные фразы о том, что мы должны слушаться родителей и учителей, хорошо учиться, кушать манную кашу, заниматься спортом, чтобы быть готовыми к труду и обороне, и беззаветно любить нашу Родину.

– Вы сделаете, как я вам сказал? – спросил он строго.

– Да-а! – заорали мы восхищённо.

Он ушёл, а мы чувствовали себя счастливыми от знакомства с таким непохожим ни на кого человеком.

Потом по посёлку пошёл слух, что Константин Волков кричит по ночам и задыхается во сне. От этого очень страдала его мать, как любая нормальная женщина страдает за своего ребёнка. Она хотела было отвести его к врачу, но Волков наотрез отказался, а спать уходил на чердак дома, чтобы никого не беспокоить.

– Со мной всё нормально, мама, – говорил он твёрдо.

Но мать видела, что с ним что-то не так, и вообще стал он очень замкнутым. Она посоветовалась со знакомыми, что можно сделать в таком случае, после чего её пригласили в горком партии. Кто-то из этих знакомых сигнализировал, куда надо, о том, что матушка одного солдата, который проходил срочную службу в ДРА, смущает округу странными рассказами. В горкоме с ней побеседовал очень вежливый товарищ, которых в народе называли «особистами». Он попросил её ни о чём не беспокоиться: мол, если понадобится какая-либо помощь, то государство не оставит в беде своего героя, который верой и правдой, понимаешь, доказал свою преданность делу партии и правительства. Матери от этого как-то не полегчало: когда её сын устраивался на работу и проходил медкомиссию в районной поликлинике, она решилась поговорить с одним врачом, который не был похож на стукача.

Пожилой терапевт сначала развёл руками и неопределённо ответил, что это временное явление скоро должно пройти. Нужно только адаптироваться к мирной жизни, потому что именно контраст между войной и миром является особенно сложным для психики.

– Как для психики? – спросила мать. – Он сказал, что у него астма. Он ночью задыхается во сне и кричит что-то неразборчивое, словно не совсем... по-русски.

– Нет у него никакой астмы, – устало сказал доктор. – Здоров, как бык. Просто, видите ли, в чём дело, – врач обдумывал, как правильнее выразить свою мысль. – Видимо, есть какой-то психотравмирующий фактор, который заставляет его думать, что у него астма, хотя это всего лишь такая психосоматическая реакция на данный фактор.

– Какой ещё фактор?! – начала трястись мать Волкова, решив, что и у доктора не всё в порядке со здоровьем.

– Да вы успокойтесь! Поймите, что он, видимо, не простыми делами ТАМ занимался, – перешёл врач на шёпот.

– Мы же не знаем, чего ТАМ происходит. Но раз оттуда приходят гробы в таком количестве, надо думать, что не всё там так просто... Вот я вам из своей жизни пример расскажу. Когда мой батька с войны пришёл, ему все сорок лет потом каждую ночь один и тот же сон снился. Это с ним на фронте случилось. Он в окопе сидит, а над ним танки идут немецкие. Земля сухая, и края окопа под гусеницами осыпаются, то есть танки закапывают его. А у него контузия, и он ничего понять не может! Бежать некуда, потому что кругом сплошной ад без просветов. А его всё больше землёй и пылью засыпает, что он уже и дышать не может... И вот он каждую ночь так задыхался. К врачам не ходил: какие тут врачи, когда полстраны было искалечено войной. Да у нас ведь не было, и нет до сих пор методик никаких, чтобы такие вещи лечить. Вот, говорят, у американцев, – доктор снова перешёл на шёпот, – есть военная психология и психиатрия, которая как раз такими случаями занимается. Логика такая, если

государству нужна война, то оно обязано взять на себя заботу о каждом искалеченном солдате. Если же оно не хочет эту заботу на себя брать, так не хрен и воевать с кем попало. Американские бабы когда заметили, что с их сыновьями, мужьями, братьями и женихами после того же Вьетнама стало происходить что-то необъяснимое, так сразу шум подняли. А у нас не принято «сор из избы выносить», вот все и молчат. Да к тому же у нас считается, что никакой души нет, и из советских людей гвозди можно ковать. Наша официальная психиатрия умеет «воевать» только с диссидентами да с запущенными формами алкоголизма. Психиатрия не идеальна, она считает, что болезни психики можно лечить как ОРЗ: был человек безумен, а проглотил таблеточку, и вот уже здоров. А психика – она ведь совсем другого поля ягода, нежели физика... Но вот мой батька тогда не растерялся. Он сам со временем придумал себе такую методику: когда во сне ему на лицо земля начинала сыпаться, он лицом вниз поворачивался – не на самом деле, а во сне, чтобы дыхательные пути не забивало. Так и стал спать более-менее спокойно по ночам.

– Ой, – всхлипнула мать, предчувствуя, что с её единственным сыном произошло что-то непоправимое. – Он ещё и поседел, а меня успокаивает, что это у него на солнце волосы выгорели. Я же вижу, что они не выгорели, а седые... Да ведь раньше и не было такого, чтобы вот так заболеть после войны. Калеки были, инвалиды, но чтобы вот так с головой что-то случилось...

– Да было! Было, просто молчали все и делали вид, что ничего в этом страшного нет, – тихо сказал доктор. – Тогда вещи и пострашнее происходили. Когда мой отец со своими сослуживцами встречался – я их рассказы любил подслушивать, – там чего только не было. У меня вон сосед по коммуналке родился в начале войны, и во время эвакуации их эшелон разбомбили, так он теперь, как выпьет, всем рассказывает, что он во время войны в атаку ходил. А люди смеются над ним, потешаются, потому что ему всего-то два года тогда было. И это на него *всего одна* бомбёжка так подействовала, что на всю жизнь ненормальным стал: прям, свирепеет, когда ему не верят, что он воевал. Аж за топор хватается! После той войны солдат домой приходил, и видел, что его родная деревня сожжена, семья в плен угнана, расстреляна или живёт где-нибудь в подвале или землянке. Не было сильного контраста, не видел солдат особой разницы между фронтом и тем, что довелось людям в тылу и оккупации пережить. Надо было страну восстанавливать, поэтому с ума сходить было некогда. А сейчас солдаты ОТТУДА возвращаются, а здесь – мирная жизнь, любовь, танцы, планы на будущее, но мозг ещё не перестроился на эту новую волну, потому что привык ТАМ к другим правилам бытия. Бывшие фронтовики в мирной жизни всегда оказываются, как в вакууме. Время нужно, чтобы в себя прийти, адаптироваться к жизни без войны. Конечно, лучше об этом не говорить впустую, а надо, чтобы была какая-то квалифицированная помощь в таких случаях. Все же люди разные, и если одного что-нибудь сильно зацепит, то другой пройдёт мимо этого и не заметит. Один работает, скажем, монтажником-высотником, а у другого вестибулярный аппарат не тот, и он может погибнуть на высоте. Есть прирождённые военные, которые отделаются лёгким испугом в переделке какой-нибудь, а есть люди, которым война совсем противопоказана. Война кого-то закаляет, кого-то ломает, а кого-то с ума сводит – у каждого человека свои слабые места. Это как вирус гриппа: один заразится и заболеет, а другой даже не чихнёт ни разу. И на войне так бывает, что один пройдёт через неё без единой царапины, а другой все мыслимые и немыслимые виды ранений получит. Тут уж как кому повезёт, да и в мирной жизни сколько аварий и трагедий случается. Я вас только очень прошу никому об этом разговоре не рассказывать, и сыну своему ничего не сообщайте. Думаю, что всё у него пройдёт со временем: он парень крепкий, и контузии у него не было, а это уже большой плюс.

То, что с Константином Волковым не всё в порядке, в городе вскоре убедились после одного странного инцидента. Как-то раз друзья позвали его на танцы в местный дом куль-

туры. На эти танцы пускали только тех, кто уже имел на руках паспорт, да и то не всех. Был на входе своеобразный фейс-контроль из ДНД (добровольной народной дружины). Раньше ещё не было ни дискотек, ни ночных клубов, а были просто танцы под музыку, которую исполнял какой-нибудь ВИА (вокально-инструментальный ансамбль) с небольшой сцены в танцзале. Волков до армии сам состоял в таком ВИА, где очень прилично играл на гитаре и клавишных – сам научился на слух – и даже сочинял какие-то песни. Вот друзья его и привели, чтобы он немного развеялся.

Весь вечер он вёл себя спокойно, правда, не танцевал, а очень внимательно слушал музыку, стоя у стеночки. И вот подвалила к нему одна разбитная девчонка из соседней деревни, хотела пригласить на танец, но он вежливо отказался. Тогда она стала вешаться ему на шею, что, по тем временам, считалось большой и непростительной смелостью для девушки. Она с подружками поспорила, что пригласит его, и он согласится с ней потанцевать. А он вдруг отказывается! Вот она и стала его уговаривать таким макаром. Волков сначала сосредоточенно смотрел на неё, потом кхекнул носом и вдруг, неожиданно для всех и, как показалось, даже для самого себя, сильно ударил её лбом прямо в лицо. Она устояла на ногах только потому, что держалась за его шею. Затем он одним ударом кулака выбил ей все передние зубы, отчего она отлетела к противоположной стенке.

Все так и онемели, а музыканты перестали играть. Волков как-то неловко пожал плечами, потирая руки, сказал, что у него начинается приступ астмы и вышел на улицу. Никто не отважился его остановить, тем более что все были растеряны. Девчонка не сразу пришла в себя, а когда очнулась, то не сразу поняла, что произошло. Она шарила руками по полу и собирала свои белеющие на полу выбитые резцы и клыки. Кто-то тоже их поднимал и подавал ей. Она сложила их в платочек, встала и куда-то пошла, зажав платочек в маленьком кулачке, а другой рукой ощупывала себя и поправляла причёску. И, когда нащупала на лице сломанный нос, снова потеряла сознание.

Танцы, естественно, на этом закончились. На следующий день Волкова арестовали по заявлению родителей потерпевшей и увезли в районный центр. Он совершенно равнодушно к этому отнёсся и сказал следователю, что сам не знает, как так получилось: мол, автоматически всё произошло. Рефлекторно.

Мать его пошла по разным инстанциям и дошла даже до того товарища, который вёл с ней беседу в горкоме. Дело замяли, сказав, что девица сама не очень корректно себя повела: виданное ли дело, чтобы советская девушка, комсомолка к тому же, вот так вешалась на шею члену КПСС! Но всё-таки её отвезли в какую-то специальную клинику, где более-менее поправили причинённый её внешности урон.

Особист поговорил с Волковым «по душам», пригрозил исключением из партии – в то время это было крайне ощутимое наказание – и призвал держать себя в руках, а не пугать матушку такими выходками, и не распускаться, потому что Советская Родина кому попало не доверяет защищать свои интересы в борьбе с врагами мировой революции! А звание коммуниста и отличника по боевой и политической его ко многому обязывает...

После этого эпизода Волков уехал из нашего города. Говорили, что он устроился работать на какой-то завод в Ленинграде, а заодно учился на вечернем отделении Военмеха. Иногда он приезжал к матери на несколько дней, но всегда тайно, как шпион. Хотя в нашей местности, где все друг про друга знают, очень трудно оказаться незамеченным. Привозил ей деньги и продукты, с которыми становилось всё хуже и хуже. Ни с кем не общался, словно боялся что-нибудь опять натворить, а целыми днями сидел на чердаке своего дома и читал книги. В один из таких приездов он женился на соседской женщине, которая была несколько старше его, за месяц собственноручно срубил ей дом в самом конце своей Лесной улицы, за которой сразу начинался лес – в тамошние дворы иногда забредали волки. У самих Вол-

ковых во дворе даже жил одно время прирученный волчонок, который затем превратился в похожую на овчарку собаку.

Новый дом был обнесён высоким забором. Ещё он купил жене корову и гусей – всё, как она просила. И опять уехал. Перед отъездом предупредил жену, что если она в его отсутствие сблизится с кем-нибудь, то он «уроеет» их обоих.

– Дурак ты, Волков, – сказала она ему ласково и поцеловала в ухо.

К жене его никто и не думал приближаться. Во-первых, она была женщина основательная и домовитая и не имела привычки мести хвостом перед мужиками. Тем более что при таком хозяйстве в лице коровы и гусей некогда было. А во-вторых, ни у кого не было желания сталкиваться и конфликтовать с Волковым.

Он исчезал и снова появлялся, но никто уже не обращал на это внимания, потому что началась очень сложная и непредсказуемая жизнь, когда уже никто не был уверен в завтрашнем дне и в том, что этот день вообще наступит. Никто уже не был уверен, что, вернувшись домой после работы, не найдёт свой дом разграбленным. Никто, уходя из дома, уже не мог сказать точно, вернётся ли он назад живым и здоровым. Каждый скрип половицы по ночам заставлял людей просыпаться и вздрагивать от мысли, что в дом пробираются лихие люди.

Когда стали закрываться предприятия, отчего в стране появились миллионы безработных, Волков также оказался не у дел. Чем он стал заниматься, никто не знал – тогда многие стали заниматься, чем придётся. Однажды какие-то неизвестные мужики привезли его на Лесную улицу с огнестрельным ранением. Они хотели отвезти его в больницу, но он приказал, чтоб везли к жене. Жена его выходила, и через несколько дней он снова куда-то исчез.

И вот он объявился ближе к середине 90-ых, когда богатства страны делили, как свадебный торт. Может, он и раньше вернулся и закрепился, но никто не заметил: был он не шумным, в отличие от Горниста, и не привлекал к себе никакого внимания. Горнист и сам не сразу обратил внимание на такую серьёзную для себя конкуренцию.

Трубачев больше походил на весёлого купчину, который гуляет по несколько дней кряду. Он менял свои иномарки чуть ли не каждую неделю, а женщин – чуть ли не каждый месяц, а то и чаще. Причём делал это так, чтобы все знали. Даже сам мэр города, товарищ Моськин Арнольд Тимофеевич, у которого уже не было свободного места в паспорте от штампов, негодовал и переживал по этому поводу, потому что Горнист давно обошёл его в этом деле. Красивых женщин Трубачев любил, как явление, как красивые машины и аксессуары. Он так и говорил, что у него ещё не было синего лимузина, мобильного светло-зелёного цвета и брюнетки с серыми глазами. То есть разные были брюнетки, но такой, чтобы с серыми глазами – нет. Поэтому не успокаивался, пока не находил брюнетку с нужным цветом глаз, нужного роста и всего прочего. Говорили, что одну свою бабу он выгнал только за то, что она была не рыжей, как ему требовалось для коллекции, а крашеной шатенкой. Он давно уже перебрал всех местных красавиц, разных бывших мисс Райцентр и королев красоты облцентра. Первая его жена была королевой красоты деревни Жупкино. Я помню, когда конкурсы красоты ещё только появились, придя на смену соревнованиям и играм вроде «А ну-ка, девушки!», в нашем доме культуры тоже проводились разные конкурсы среди местных красавиц. А мы, тогда ещё угловатые подростки, похожие на гадких утят, с восторгом смотрели на этих прекрасных девушек, которые завоёвывали звания мисс Пендиковка, мисс Николина Грива и мисс Трясовласьево. Иногда девушки так и отвечали, если кто-то выражал

сомнение относительно их достоинств: «Да я в восемьдесят седьмом году получила титул Мисс Семипальцево!!!»

Каждый раз Горнист обязательно венчался в церкви, делая щедрые пожертвования. Этот кураж ему был нужен, потому что он потерял всякий человеческий покой от той жизни, которую вёл. Он был из тех людей, которые быстро пьянеют от власти и начинают скучать. Ему уже недоступны и непонятны простые радости жизни, как ликование от покупки понравившейся книги, нового пылесоса или поездки на экскурсию в Петергоф. Горнисту было достаточно только щёлкнуть пальцами, и всё к нему приходило само, теряя ценность. «Что опьяняет сильнее вина? – спрашивал Киплинг, и тут же давал ответ: Лошади, женщины, власть и война». Вот и вокруг Горниста табуном носились красивые женщины, у него была какая-никакая власть и вечная война с конкурентами. Казалось бы, живи да радуйся при таком раскладе. А ему всё наскучило. Всё! Он, конечно же, чувствовал, что заигрался, но остановиться уже не было возможности. Видимо, именно это и называют рецидивом, когда душа уже загублена, потому что пролито слишком много чужих крови и слёз, а в своей крови накопилось слишком много необъяснимой ненависти. Если прекратишь делать то, что делаешь, всё равно уже ничего не изменишь и останешься всё тем же убийцей и грабителем в памяти народной. Поэтому и останавливаться незачем: это не вернёт людям их отнятые жизни и растоптанные мечты. Это хуже наркотика, потому что от него человек ещё может освободиться и стать другим, а от осознания того, что ты причинил столько горя людям, ты уже никогда не сможешь освободиться.

Тогда религия только начинала входить в моду, и в стране было полно церквей и храмов, искалеченных в годы богоборчества, а денег на их восстановление не было. Горнист давал деньги, думая, что это хоть как-то зачтётся ему при встрече с Всевышним. Он был верующим «на всякий случай» в общепринятого церковного Бога, который создал человека. Но теперь человек сам создаёт своих богов, подлаживая их под свои нужды, наделяя их желаемыми ему чертами, чтобы было удобно в них верить.

Один раз Горниста видели на станции среди каких-то бомжей из Вологодской области, которые ехали с «заработков» из Петербурга. Его люди взяли с них оброк. Горнист, будучи под сильным кайфом, стал рассказывать этим оборванцам о царе Соломоне, который к концу жизни пришёл к мысли о тщете и суетности человеческой жизни.

– «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа! – с артистизмом цитировал Горнист Книгу Екклезиаста, фланируя взад и вперёд в дорогом пальто нараспашку, чтобы из-под него всем был виден щеголевато заткнутый за кожаный ремень брюк чёрный пистолет. – Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть... Я предпринял большие дела: построил себе дома, насадил себе виноградники, приобрёл себе слуг и служанок. Собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей, завёл у себя певцов и певиц. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им. И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!». Но не приобрёл я соломоновой мудрости. Не дал Бог мне мудрости, потому что «во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь».

Люди смотрели на то плачущего, то хохочущего главаря банды и поёживались, размышляя: придуривается он или вправду так страдает.

В райцентре была только одна действующая церковь, и её настоятель страдальчески морщился, когда Горнист в энный раз приезжал венчаться. Отказать ему означало приговорить себя к смерти. Иногда его видели в церкви совершенно невменяемого, когда он долго беседовал о чём-то со священником и «плакался горько». Его банда вообще чуть ли не в полном составе посещала все службы. Некоторые даже ходили на исповедь, после которой у священника начиналась лихорадка, потому что он не знал, можно ли по человеческим мер-

кам отпускать такие грехи, о каких ему довелось узнать, а люди Горниста ехали на новые дела. Привыкшие ко всему люди часто могли наблюдать сцены, когда к церкви подъезжала машина, из неё выскакивали крепкие бритоголовые мальчишки из банды Горниста и обращались с просьбой к попу:

– Благословите, батюшка, на важное дело.

Священник смущённо благословлял ребят и начинал мучительно думать, что за дело они затеяли на этот раз. Порой выяснялось, что после этого они ехали на грабёж или убийство. Братва иногда пригоняла священнику украденные с мокрого дела машины на окропление святой водой. Наличием бандитов в России никого не удивишь, но Православная Церковь ещё не знала такой любви к себе с их стороны. Члены банды Горниста нисколько не скрывали то, чем они занимаются, демонстрируя знакомым девицам свои пистолеты и показывая, как они умеют из них стрелять по шишкам на ёлках. Пожалуй, это было единственным, что они умели делать, резвясь на обломках исчезнувшего государства. Так вот и резвились эти мальчишки, не нашедшие применения своим силам и умениям в том развале экономики и труда, который стала представлять собой наша некогда мощная аграрная и промышленная держава.

Как-то раз я шла от станции домой после работы, а около меня остановилась, как сейчас говорят, навороченная машина. Из неё выскочили два парня из команды Горниста: на одном была какая-то сбруя, на которой висела расстёгнутая кобура, а другой зачем-то изображал из пульта дистанционного управления от телевизора мобильный телефон, который тогда в России ещё был в диковинку. Хотя теперь говорят, что сегодня признак успеха – это не мобильный, а как раз рабочий телефон. Стационарный и неизменный. Как и раньше, когда люди были «обречены» на годы стабильной работы на предприятиях. Такие учреждения, казалось бы, и конец света выдержат, а не будут скакать с места на место в поисках более дешёвой аренды из полуподвала в сарай, где телефонный аппарат если и был, то его вырвали с мясом из стены бывшие обитатели, когда драпали от налоговиков или рэкетиров.

– Эй, деваха, стой! Выпей с нами за здоровье Горниста! – заорали мне «крутые».

– А что случилось-то?

– Ка-ак «что»?! Женится наш Горнист! Нам сказал, чтобы весь город и окрестности были пьяными по такому поводу, вот мы и работаем.

– Что ж мне водку пить, что ли? Дайте хоть шампанского.

– Айн момент, фройлен!

Мимо пронеслось ещё несколько пульсирующих громкой музыкой автомобилей, так что басы даже отдавали в дорогу и в ноги прохожих. Одна из них резко и визгливо затормозила, и из неё вылез холёный, но какой-то смертельно уставший и опухший от непрекращающегося веселья Трубачёв:

– А-а, пионэ-эры юные, – увидел он меня. – Пионер, к борьбе за дело великого Ленина будь готов!..

– Здравсьте, Владислав Палыч, – ответила я, не зная, как его ещё назвать. Не Горнистом же.

Горнист усмехнулся, а мне стало интересно, как же его всё-таки называет жена.

– Сладкий, чего ты вылез-то? – окликнул его слегка пьяный и знакомый женский голос из машины, и следом за голосом из окна высунулась Надька Карпинская, первая красавица нашего бывшего класса, в свадебном платье. – Ой, Натаха! Ты? А я вот замуж выхожу за бандита!

– Мы не бандиты, а благородные пираты! – ответил Горнист словами Весельчака У, героя из популярного в годы нашего детства мультфильма.

– Так за кого ещё выходить-то? – не сл у шает его На дежда и словно бы оправдывается перед кем-то. – Кругом ведь одни отморозки или нытики, так что уж лучше за бандита.

– Поздравляю.

– Так, я вижу, мальчиши-кибальчиши накурились анаши: что это вы женщине наливаєте? – вмешался Трубачёв. Я ж сказал: бабам – вино, мужикам – водку. Чего ты шампанское-то выпер: Новый год что ли?

– Дык, это... она сама сказала: хочу, мол, шампанского, – испугался тот, что с кобурой.

– Да неважно, котик. Горская, давай выпьем за моё счастье, – вылезла Надежда из машины. – А ты откуда идёшь?

– Я с работы еду.

– Ты чё, работаешь?! Наталья, это несерьёзно! Женщина не должна работать. А это что такое? – Надежда увидела выглядывающий из моей сумки учебник по начертательной геометрии. – Ты к тому же и учишься? С ума сошла! Натаха, мужики боятся и ненавидят образованных баб, уж поверь моему слову!

– Да ладно, – я не знаю, как мне отделаться от этой компании. – Какой прок от таких мужиков, которые боятся и ненавидят баб?

– Ну, им просто перед дурами легче свою дурость демонстрировать, – объяснила мне Надежда.

– Потому что вы, бабы-заразы, и так умнее нас, дураков, – засмеялся Трубачёв. – А если вы ещё и с образованием, так мы вообще вам в подмётки не годимся. Хотя я женщин не боюсь – я их обожаю.

– Сладкий, когда мы в церковь поедем? – спросила Надька, легко опрокинув в себя бокал вина.

– Едем, цыпа! Все смарагды и яхонты будут твоими! – Горнист сделал широкий жест рукой и спросил меня: – Может, тебя до дому довезти, пионерка?

– Не-а, я пройтись хочу.

Я пришла домой, а родители сразу запеленговали запах вина.

– Мать, а мать, – в шутку негодовал отец. – Дочурка-то наша пила где-то. Вот, вырастили дочу: навеселе домой приходит, студентка-комсомолка.

– Это Трубачёв женится и всем наливает, – ответила мама.

– Да знаю я. Вон они к Арнольду пристали, – сказал отец, глядя в окно.

С улицы раздавались пьяные хохот и возгласы «пей до дна! пей до дна!». Это наш мэр навещал бывшую супругу, которая жила в нашем подъезде, и здесь-то его и подкараулили люди Горниста.

Так же шумно и весело он отмечал теперь свой День ангела седьмого октября, на что некоторые бабульки ворчали, но так, чтобы Трубачёв не услышал:

– Чёрту служат, а Богу поклоняются. Ведь ведут себя страшнее дьявола, а с ангелами всё ж таки дружку водят. Вот времена-то настали!

Когда из его банды кто-нибудь погибал, то объявлялся негласный траур на несколько дней с прекращением всяких дискотек и увеселительных мероприятий в посёлке и окрестностях. Никто против этого не возражал, потому что рядовым гражданам и так было не до веселья. Но похороны этих мальчиков проводились так шумно, что больше напоминали праздник. Погибшего обязательно, как уже можно догадаться, пышно отпевали в церкви.

Горнист построил себе роскошный дом на бывшем совхозном поле, где раньше даже партийные боссы не могли выхлопотать себе самый маленький огорожок. Место это было хорошо тем, что никогда не заливалось водой во время весеннего паводка. Дело в том, что речка наша извивается в границах города, как синусоида, и если уровень воды в ней немного повышается, то на месте этой синусоиды образуется сплошная полоса воды, поэтому во многих домах у реки к весне готовят лодки. А совхозное поле никогда не заливают, поэтому Горнист именно там построил свой особняк, который был выше и краше, чем дом самого Арнольда Тимофеевича, из-за чего тот тайно, но всё-таки переживал. Теперь

в каждом городке, посёлочке и даже деревеньке появилась своя местная Рублёвка, которая усердно застраивалась домами в новомодном архитектурном стиле «чей терем выше». Вот и на нашем бывшем неприкосновенном совхозном поле повырастали особнячки начальника ГАИ, директора рынка, племянника местной «королевы бензоколонки», внука бывшего инструктора райкома КПСС и прочих важных единиц общества. Старожилы щурились:

– Ничего, пусть отстраиваются: будет что экспроприровать.

В целом всё было чинно и тихо, но у дома Горниста частенько по ночам гуляли развесёлые компании. Они палили в воздух сигнальными ракетами, жгли фейерверки и с превеликим визгом купались в реке.

Волков же, которого с лёгкой руки Горниста стали называть Вожатым, вёл себя очень тихо и не любил Трубачёва за его склонность к эпатажу, показной и потому неестественной религиозности, сору деньгами и разным дешёвым распальцовкам. Он никогда не сидел в тюрьме и, как сам говорил, не собирался этого делать, невзирая на расхожую русскую поговорку про зарок от сумы и тюрьмы. Поговорка эта, кстати, лучше всего иллюстрирует вечную зыбкость и двоякость жизни в России в экономическом и юридическом отношении. Мол, как осмотрительно и законопослушно себя не веди, а всё одно: можешь в любой момент обнищать или загреметь на нары. И среди его людей уголовников было мало, поэтому нравы зоны в его банде, больше похожей на армию, не прижились. Как ни странно это покажется, но был он человеком весьма начитанным и даже успел до начала своей бандитской карьеры закончить один из технических вузов Ленинграда. Изъяснялся исключительно на правильном, чуть ли не литературном русском языке, чего раньше никто и не заметил бы, но теперь на фоне повальной «блатомании» такая черта стала обращать на себя внимание. Он вообще умудрялся соединять в себе какие-то несоединимые качества: был хладнокровным и крайне вспыльчивым одновременно, был главарём и в то же время совершенно не тяготел к лидерству. Говорили, что обожает своих жену и детей, и в то же время мог выбить душу из чужой жены каким-нибудь страшным способом на глазах у её осипших от крика ужаса детей. Горнист побаивался Вожатого, говорил, что тот не только любит книжки читать, но и в своё время научился у моджахедов подкрадываться к людям незаметно, так что и не знаешь, с какой стороны его ждать.

Первая серьёзная их стычка произошла, когда оба положили глаз на местный деревообрабатывающий комбинат. Горнист захотел взять с комбината оброк, но выяснилось, что тот уже находится «под крылом» Вожатого. После этого директора комбината нашли мёртвым со следами пыток. Эксперт заключил, что покойному вставляли в задний проход раскалённый паяльник. Через несколько дней Горнист обнаружил на пороге своего дома тех, кто убивал директора комбината. Их было трое, они были мертвы, и каждому было вставлено по паяльнику в известное место. Вот тут-то и началась нешуточная война, в которой за каждого убитого из банды Вожатого Горнист получал по три трупа из своих, которых он неизменно находил на пороге своего дома в растерзанном виде, что крайне негативно влияло на психику его жён.

Горнист понял, что враждовать с бандой Вожатого бессмысленно, и «забил ему стрелку». Встреча состоялась у заброшенного железнодорожного переезда, где братьям Колупаевым в ту ночь приспичило воровать контактный провод. Они-то и поведали всему городу о разговоре двух авторитетов.

– Наглеешь, малыш, наглеешь, – начал беседу Вожатый.

– Да чё ты гонишь-то? – Горнист ерепенился, но голос его дрожал, потому что он боялся непредсказуемости Вожатого. – Я не в теме был, что ты комбинат крышуешь...

– Нормально со мной разговаривай, горнист-баянист! Чего ты из себя блатного-то корчишь, шкет? В пионерские годы в самодеятельности не наигрался? Псалмы в церкви поёшь, Ветхий Завет на публике кусками цитируешь, а как же «не убий, не укради», а, Слава? – Вожатый пружинисто ходил кругами вокруг бледного и неподвижного Горниста и насмешливо его обсуждал. – Нестыковочка выходит. Тоже мне, царь Соломон новоявленный! «Мы все глядим в Наполеоны», мальчик. У нас у всех амбиций полная жопа, а в голове-то пусто... На комбинат не нацеливайся, или от тебя даже хоронить будет нечего, Мальчиш-Кибальчиш. А если ещё раз при мне будешь пальцы веером гнуть, я их тебе в противоестественное положение выверну.

– Я тоже на комбинат право имею, – обиженно сказал Горнист: чувствовалось, что ему уже трудно подбирать слова без фени. – Если ты не уступишь, то я...

– О-хо-хо! Мне твои угрозы, как месть кота Леопольда, горнист-трубочист. Смотри, мальчонка, не искушай меня без нужды, а не то ноги вырву и в уши вставлю, – спокойно произнёс Вожатый тоном строгого папы, который собирается пожурить своего неразумного сына.

Они ещё о чём-то говорили – братья Колупаевы не очень хорошо разбирались во всяких терминах о посредничестве в разных делах, – но в конце концов расстались довольно-таки мирно.

– Я-то как раз напряжение вырубил, а Толян штангу навесил, – возбуждённо рассказывал Николай Колупаев землякам об увиденном. – Я только на столб залез, как вижу: машины съезжаются с разных сторон. Толян в колею нырнул и замер там, а я со столбом в обнимку висю, то есть вишу. Горнист на трёх машинах приехал, а Вожатый только на двух. Вышли все, стволами и ножами бряцают, я чуть не обкакался со страху-то.

– Дураки, вот дураки-то! И чего вас понесло-то туда?!

– причитала мать Колупаевых.

– Так мы же не знали, что их тоже туда чёрт принесёт, – Николай вытер лицо ладонью. – Завис я на столбе, значит, а они всё не расходятся. Я в столб вцепился намертво, аж руки затекли. И ни чихнуть, ни пукнуть. Думаю, что же это будет, если они меня увидят, то есть увидят. Только темнота кромешная и спасла.

– Ой, мальчики мои, малыши, энти ж головорезы могли вас убить! – зарыдала Колупаевская мать у сына на груди, но в тот же миг, встав на цыпочки и дав Кольке подзатыльник, добавила грозно. – Чтобы больше не смели, шалопаи, на этот переезд ходить!

После этой встречи наступило некоторое затишье в отношениях Вожатого и Горниста. Тем более, что с ними конфликтовали многочисленные банды из таких же многочисленных деревень и посёлков вокруг. Но даже это их не объединило, настолько оба не переваривали друг друга. Им было тесно в одном городе, как двум медведям в одной берлоге, поэтому Вожатый начал постепенно теснить своего бывшего подшефного пионера. Чуть ли не каждую неделю находили где-нибудь в канаве очередного соискателя на «крышевание» какого-нибудь лакомого объекта: магазина, ларька или частного предприятия. Вожатый не любил поднимать много шума и стрельбы, и его жертвы всегда погибали или от ножа или от удавки. Сам он, говорили, постоянно носил ножи в рукавах или на голени и при случае метал их прямо в глаз или горло. Этому он наместился в армии и мог проделывать данный приём даже в кромешной темноте. Он запрещал своим людям «высовываться» и как-то афишировать свою «работу». Также шептали, что среди его людей были бывшие оперативные работники, следователи и даже бывший особист из Горкома, оставшийся без работы после всевозможных перестроек и чисток советских силовых структур. Эта публика могла

найти для своего главаря хоть иголку в стоге сена. В свою команду он набирал не молодых да ранних, как это делал Горнист, прыть которых была обусловлена только юным возрастом и недостатком умственного развития. Он интересовался людьми, пострелявшими и повоевавшими, у которых был уже пройден тот рубеж, когда здоровое сознание человека ещё противится убийству себе подобных и которые уже приняли убийство как жизненную норму. Он мог даже надавить на особо упрямых, хотя особо надавливать и не приходилось. Как выяснилось, таких людей в нашей стране, которая в течение всего XX века за что-то с кем-то где-то тайно или явно воевала, оказалось довольно много. Ограниченный контингент советских войск в разное время присутствовал во многих странах Африки, Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки. Преимущественно это были сыновья и внуки не банкиров и госчиновников, не потомки партийной и новорусской элиты, не столичные жители и обитатели мегаполисов, где есть возможность спрятаться от армии в вузах или найти какую-то альтернативную замену службе. Это были дети рабочих, крестьян и провинциальной интеллигенции, жители деревень и рабочих посёлков, колхозов и совхозов – по статистике, именно провинция поставляет 80 процентов солдат нашей армии. После воплощения болезненных фантазий правительства в области сельского хозяйства и промышленности, многие из этих людей оказались без работы и средств к существованию, так что некоторые делали по несколько «заходов» во вспыхивающие то там, то сям «горячие точки» контрактниками. Сам Вожатый ещё в начале 90-ых, когда он был просто Волковым, несколько раз совершал «прогулки» в Югославию и Грузию, чтобы немного хоть чем-нибудь заняться и, как он говорил, «подлечить астму».

После возвращения домой перед ними разбегались в разные стороны три дороги будущей жизни. Медленно спиваться от полной своей невостребованности, упрекая в этом всех и вся на свете (самая популярная и многолюдная в современной России дорога). Уехать на заработки в столицу, которая и так переполнена «искателями счастья» со всей страны и ближнего зарубежья. Или же вспомнить, что ты умеешь воевать. Да ни как-нибудь, а хорошо умеешь! Вспомнить, что у тебя за плечами не стендовая стрельба по тарелочкам, не сафари с кучей инструкторов в заповеднике, а реальные боевые действия. Ты умеешь легко и грамотно уничтожать противника, который препятствует продвижению к победе. Ведь зачем-то тебя этому научили! Хотя и распространена такая ситуация, когда родители упорно учат ребёнка ходить и говорить, а потом требуют, чтобы он сидел на одном месте и молчал, но ребёнок плохо поддаётся таким противоречивым требованиям непоследовательного и глупого мира взрослых. Чему научили – то и получили.

– Ох, как мы рубили руки-ноги и горячие головы где-то под Гагрой! – пьяно орал на вечере встречи выпускников школы наш бывший звеньевой Валька Мочалкин, который проходил армейскую службу в воевавшей тогда с самой собой Грузии. – Я-то раньше думал, что грузины – они все одной крови, а на самом-то деле они там делятся на мегрелов, сванов, аджарцев, абхазцев, кахетинцев, гурийцев и так далее, и все друг на друга зубами клацают... Ну прямо, как мы меж собой! И тоже все на одну харю, как в поговорке, что хохла от москаля в бане друг от друга не отличишь. Нам приказ дали не допустить кровопролития между их этническими группировками, но без применения оружия, какие же мы на хрен миротворцы! А они на нас своими чёрными глазищами сверкают: какого, мол, чёрта вы лезете в наши разборки? Вот уж точно сказано: двое дерутся – третий не мешай. С такой ненавистью ка-ак пошли друг друга разделять да кромсать, даже детей не жалеют. А наши командиры нам в оба уха орут приказ их разнимать! А как эту сволочь разнять без оружия-то? Вот мы их сапёрными лопатками, лопатками по их окровавленным лапам, по харям их, по харям руби направо и налево, пока ноги не увязнут в своём же дерьме... Нарубили несколько куч, как турнепс в совхозах. Я сначала так обделался, а потом в тако-ой р-раж вошёл! Кайф лучше, чем с бабой!

Девчонки смущённо хихикали и отодвигались подальше от Вальки, когда он яростно размахивал вилкой за столом, рубя воображаемого противника.

– Мочалкин, каким же ты психом стал! – скептически отнеслась к его рассказу бывшая староста нашего класса Светка Ерёмина. – А я-то ещё за тебя замуж собиралась.

– Да нужна ты мне! Да что вы, бабьё, можете понимать в жизни! Вам бы тут только ноги раздвигать перед всеми, чтобы вас хоть кто-нибудь замуж взял, пока мы там кровь проливаем!.. Я там таких девок видел, которые раненых на себе выносят под пулями! Медсёстры сутками от операционных столов не отходят, чужие кишки штопают, а вы... Я вас всех ненавижу, страшно ненавижу, потому что вы настоящей жизни не видели, потому что у вас на уме только тряпки да бирюльки, суки тупые! – Валя заплакал, а Светка стала язвительно его высмеивать:

– Поду-умаешь: в армии он побывал! Ну, давай бабы за вас будут в армии служить, раз вас так это травмирует. Бабы вас и так уже по всем пунктам заменили! Уже непонятно, чем вы от бабья отличаетесь, потому что вы только и умеете теперь свои сопли на кулак наматывать да всем размазывать о каждом своём шаге под видом небывалых подвигов. Мой дед всю войну прошёл, потом ещё в сталинском лагере отсидел пять лет и никогда не скулил о том, как ему там трудно было, особенно перед бабьём... Нет, ну что за мужики пошли? На кривой кобыле к ним не подъедешь скоро! Один войной бредит, у другого любовь к водке все остальные чувства вытеснила, а нам, русским дурам, теперь только и остаётся на грузин рассчитывать. Мочалкин, ты не всех их там лопаткой-то своей сапёрной перерубал, хоть что-нибудь от них осталось? Ха-ха-ха!

Валька смотрел на неё, и глаза его наливались кровью. Вдруг он резко вскочил, схватил со стола тарелку с пирожными и с такой силой метнул её в свою, теперь уже бывшую невесту, что тарелка, пролетев мимо вовремя отскочившей цели, шмякнулась в стену, разбившись на куски, да так и прилипла на основе сливочного крема от пирожных. Мочалкин с вилкой в руке погнался за Светкой. Поднялся визг, хохот, слабые увещевания, но никто не сказал бы точно, чем бы всё это закончилось, если бы наш военрук Эдуард Александрович не скрутил Вальку и не сунул его головой под струю холодной воды на кухне столовой.

– Валентин, прекрати! – внушительно посмотрел он ему в глаза.

Валька ещё какое-то время хныкал, потом перестал плакать и с довольным видом сказал:

– Ох, до чего же хор-р-рошая вещь эта сапёрная лопатка! Кто придумал её, не знаю, но как в масло входит! Кайф... Лучше, чем с бабой!

– Тьфу! – окончательно разочаровалась Светка в своём женихе, которого она два года ждала из армии, и ушла домой.

– Валя, ну что ты такое говоришь?! – не верила своим ушам наша Анна Ивановна. – Мальчики, у вас же сейчас самые лучшие годы жизни! Вам надо дальше жить, учиться, а вы совсем дикими становитесь.

– Зачем мне учиться? – изумлялся Валька. – Мой старший брат вот ЛГУ закончил, а теперь перегоняет подержанные машины из Польши. Спрашивается, зачем заканчивать университет, чтобы выполнять работу, которую любой пэтэушник сделать может? Мне на днях батя говорил: иди в соседний совхоз на тракторе навоз по полям развозить – там вместо зарплаты хотя бы пол-ящика водки дают, а где-то даже такой лафы нет. А сегодня этот совхоз уже ликвидировали за ненадобностью государству. Не-е, я к Вожатому в банду пойду: говорят, что ему такие кадры нужны.

– Ах, мальчики-мальчишки, что же вы творите-то? – вздыхала Анна Ивановна и качала головой.

– Анна Ивановна, не слушайте Вы его! – успокаивали мы нашу шокированную учительницу. – Он же пьяный, он же отчёта себе не отдаёт!

– Так ведь пьяный как раз и говорит всё, что думает, – заметил военрук и многозначительно добавил на латыни, как он любил это делать на манер русской интеллигенции XIX века: – Ин вино веритас, или по-нашенски, «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Не получится из тебя разведчика, сержант Мочалкин.

– Да плевать! – воскликнул Валька, бывший круглый отличник. – Анна Ивановна, а помните, как у Булгакова генерал Хлудов говорит, что когда у нас, отдавая себе отчёт, говорят, то ни слова правды не добьёшься?

– Помню, Валя, – и разговор постепенно стал уходить с тропы войны.

Учителя наши с ужасом наблюдали, как мы, их вчерашние ученики, пробиваемся теперь в жизни. Больше всего их ужасало, что в стране постепенно стало исчезать само понятие профессии. Они же принадлежали к поколению, воспитанному по принципу, что человек должен обладать какой-то определённой профессией, для чего необходимо потратить немалое время на обучение и опыт. И работа человека в этой профессии обязательно должна приносить пользу людям, иначе человек не может считаться гражданином своего общества, своей страны. Их так воспитали, что человек должен приносить пользу обществу своим трудом, а не абы где сидеть от и до, абы чем заниматься, лишь бы «бабки» капали. Тогда ещё великий Райкин шутил, что есть такие профессии, что если их обладатели перестанут ходить на работу, то большой беды ни для отдельных предприятий, ни для страны в целом не будет. Он имел в виду чинушей и бюрократов и даже не догадывался, что дал точное определение занятиям будущего общества своей страны, так называемого «общества третьей волны».

Наше же поколение было внуками тех советских граждан, которые сумели добиться от государства для своих детей, наших родителей, если не лучших жилищных условий по сравнению с теми, в каких прожили они, зато хорошего образования. И они думали, что мы тоже станем инженерами, врачами, учителями, рабочими. А мы-то стали чёрт-те чем! Я понимаю, что теперь, когда Россия стала страной одних только менеджеров, многим не верится, что люди когда-то считали эти профессии уважаемыми и престижными. Когда моё поколение заканчивало школу, то многие прежние взгляды на жизнь, царившие до этого в обществе, кардинально поменялись на противоположные. Иногда казалось, что они поменялись даже не ради чего-то определённого, а просто автоматически были повернуты на сто восемьдесят градусов, потому что «ветры перемен так надули». Я не хочу никого обижать, но хорошо помню, как первые лица государства тогда заявляли, что не надо много лет тратить на обучение, а надо просто заниматься тем, чем хочешь, и прямо сейчас. То есть делай, что хочешь, а умеешь или не умеешь – не имеет значения. Сумел куда-то пролезть, пробиться, проползти – вот и молодец. Во всех этих призывах опять сквозил русский идеал свободы: что хочу, то и ворочу. Не делаю даже, а именно ворочу. Иначе и не назовёшь всё то, что потом было наворочано.

Опять-таки не хочу оскорблять чьи-то чувства, но именно тогда, на рубеже 80-ых и 90-ых годов, зарождалось вот это отношение к труду, к работе, к профессии, которое мы видим сейчас. Откуда у нас теперь столько людей, которые, не имея ни соответствующего образования, ни талантов, ни навыков, вообще ничего, совершенно беззастенчиво занимаются не своим делом? Это всё плоды 90-ых годов, когда у многих людей зародились такие представления, что петь на эстраде можно вовсе без голоса, производить и продавать лекарства имеет

право любой пэтэушник, а возглавить любую администрацию способен человек с уголовным прошлым. Всё правильно: сумели пробиться, прорваться, просочиться – медаль им на шею за это. Они же всё это ради нашей пользы, чтобы мы теперь «любовались», как они поют на эстраде, по совместительству управляют какой-нибудь компанией или банком, снимаются в кино и пишут мемуары про «лихие 90-ые» и такое же лихое участие в них. И не поймёшь, где у них досуг, а где дело. Теперь какая-нибудь барышня, о которой известно только то, что она после школы приехала в Москву, удачно попав там в «хорошие руки», мелькает и там, и сям, и практически не осталось мест, где бы она ещё не промелькнула. Вроде певица, так как иногда поёт хриплым и слабым подростковым голосом какие-то глупенькие песенки с эстрады; вроде светская львица, так как была замечена на каких-то шумных презентациях, а теперь ещё и в реалити-шоу поучаствовала. В интервью наивно рассказывает, что ей всё так интересно, что она хотела бы ещё и в кино сниматься. Если её спросят: «Зачем вы поёте, если не умеете?», то она наивно улыбнётся и объяснит: «Ну мне же нравится! Мне нравится петь на эстраде, и в кино мне хотелось бы сняться... – А вы умеете? – Что? – Сниматься в кино, играть на сцене. – А чё там уметь-то! Надо просто по жизни заниматься тем, что нравится, и всё будет в шоколаде». А нравится таким только себя показать да на других таких же поглазеть. Людьюми движет не умение, знания и талант, а голые амбиции. Вероятно, мало кто из таких личностей получает удовольствие от своих занятий. И окружающие не чувствуют его. Всем подобным неумехам важен лишь результат – большие деньги.

Прямо анекдот: «Пошли на рыбалку. – Я не умею рыбу ловить. – А что там уметь? Наливай да пей». Одна загвоздка в такой «работе»: спонсора себе найти. Без спонсора-то вот так откровенно дурака валять весьма затруднительно.

Вряд ли кто из них изъявит желание поехать поднимать целину или строить города за Урал, как «хотелось и нравилось» поколению дедов. Поколению дедов это и не нравилось, может быть, просто они мыслили иначе: кто-то должен развивать страну, а если не мы, то кто же. Это нужно для страны. Для *нашей* страны. А страна – это мы. А теперь нет ни этого «мы», ни «нашей страны», есть только отдельные и раздробленные «я». Какое-нибудь отдельное «я» хочет покакать на других – пжа-алста! Ну, хочет же! Не мешайте яркой индивидуальности самовыражать себя, тем более для вашей же пользы. На это отдельное «я», которое раньше и в заводскую самодеятельность не попало бы, сегодня и спонсоры сыщутся, и желающие финансировать такой важный род деятельности. Но на то, чтобы в школах стены покрасить пусть самой дешёвой краской – никого не найдёшь, как ни зови.

Это раньше понимали, чтобы что-то строить, создавать, основывать, надо было иметь знания, образование, осмысленное отношение к своему делу. Теперь же умения никакого не надо, а следует опираться во всех своих поступках только вот на эти «нравится» и «хочется». И хочется да не может. Якобы певица хлюпает что-то со сцены в микрофон, а публика даже возмутиться не смеет. Публика теперь должна терпеть всех этих многочисленных бездельников: девчужке-то ведь нравится и хочется этим заниматься, так что имейте совесть, не забрасывайте её гнилыми помидорами, как традиционно поступают с самозванцами на сцене. Её ведь тоже можно понять: у неё есть всё, вот только... «Оскара» для полного счастья не хватает.

Самозванцы, неумехи, непрофессионалы появились буквально повсюду. «Фанерщики», как их станут называть позже от сокращения слова «фонограммщики», халтурщики. И вот эта «фанера» стала сегодня нормой нашей жизни. «Фанеры» теперь полно не только на эстраде, но и во всех уцелевших сферах деятельности. Ладно бы хобби у них такое было, ан нет – работа. Работают в поте лица, если верить их же заверениям. Не умеют, не знают, не могут, но под «фанеру» что-то вытягивают. Скажи таким же безграмотным политикам: «Куда вы лезете? Вы же не умеете страной управлять. – Эка беда! Нам же нравится! Мы же

ея любим, эту... как её?.. Рассею, во!»). И ничего не значащее, миллионное по счёту признание в любви «этой стране» даёт право рулить ею, как длина руки позволит.

Учиться ничему не надо. Надо только всем доказать, что именно так и следует работать. Портной-неумеха брюки сшил криво, но убедил всех, что именно такой «фасон» теперь в моде. Уже не сложно представить себе человека, впервые вышедшего на каток и требующего высших оценок по фигурному катанию. Или художника, впервые взявшегося за кисть и тут же требующего, чтобы его картину выставили в Эрмитаже. Упрёки в непрофессионализме теперь «срезают» надоевшей крылатой фразой о том, что «Ноев ковчег строил любитель, а «Титаник» – профессиональные кораблестроители».

Представьте, что отдадите сапоги в ремонт, а вам там каблуки приклеят канцелярским клеем и в ответ на возмущение так же обезоруживающе с нарастающей атакой ответят: «А мы не знаем, как надо обувь ремонтировать. Нам просто нравится этим заниматься, вот мы и занимаемся! Если вы нас осуждаете, то просто потому, что завидуете! Ведь нам удалось так хорошо в жизни устроиться. Мы сумели проскочить, а вы – нет!». А ведь сейчас такие речи услышать не редкость в ответ на упрёки, что человек занимается не своим делом. И сколько сейчас таких людей, которые у всех на виду, даже если специально стараться в их сторону не смотреть, и у всех на слуху, даже если уши затыкать, а кого не спроси, так никто не может ответить: кто этот человек и чем он, собственно, занимается. В чём заключается суть его деятельности, работы, есть ли она у него вообще?

К сожалению, этим уже никого не удивишь. Вокруг полно тех, кто занимает чужие места и высокое положение, благодаря обману или деньгам. Но стоит покопаться глубже, как выяснится, что от человека нет никакой пользы. Все знают только, что живёт он хорошо и вольготно, а кто или что обеспечили ему такой уровень существования – государственная тайна. «Да мы вкалываем, как лошади! Да мы с ног валимся в конце рабочего дня, который у нас никогда не заканчивается! Да мы в поте лица трудимся по двадцать пять часов в сутки!» – кричат они, если замечают, что кто-то пытается их разоблачить, но что именно они делают, чем конкретно заняты – никто не в состоянии сформулировать. Что они сделали для страны, для своего общества, чтобы так щедро одаривать их за «труды»? Они доблестно в армии служили, или лечили людей, или строили красивые дома, или сочиняли прекрасную музыку, или работали на заводах инженерами и рабочими, или талантливо играли на сценах прославленных театров? Профессионально служили Мельпомене, а не так, по настроению, когда хочется и нравится. От всего этого «самиздата» в работе хочется увидеть не самостоятельность, а профессиональный театр, где служат профессиональные актёры, а не какие-то профессиональные бездельники, которые не обладают ни высокой культурой, ни духовным развитием, а занимаются всем без разбору и по настроению, лишь бы «засветиться» и «бабок срубить по-лёгкому».

Что они такого сделали, чтобы теперь показывать их всей стране в разных проекциях на фоне кричащей роскоши, которой они обросли непонятно с каких трудов? Раньше таких начинали подозревать или в причастности к теневой экономике, или к агентам вражеских спецслужб, а теперь их даже и подозревать не в чем. Не возьмут подобных ни в теневую экономику, ни в спецслужбы, потому что они предпочитают заниматься только тем, что им нравится и хочется. А что им нравится и хочется – смотри выше.

Такие вот загадки стали происходить в нашем Отечестве. Их исток следует искать в тех годах, когда честно работать на страну стало не модно и даже позорно. Даже фильм тогда такой сняли, где главный герой – гений, вся гениальность которого заключается в умении вытянуть деньги из сограждан с помощью действительно гениальных изобретений и придумок. Герой балансирует на грани законности и даже где-то эту грань переходит, но это уже и не грех. И специально сделан акцент, что обобранные им – это настолько мерзкие отщепенцы, которых обобрать сам Бог велел. Новая философия проступала очень ясно:

умён не тот, кто знает интегралы, а тот, кто может на этих интегралах сколотить бабки. Как сейчас себя ведут люди со способностями? Они выуживают из людей деньги. А если они этого не делают, то грош цена таким способностям. Но самое-то главное, что понятие о том, кого можно обобрать и кто отщепенец – у каждого своё. Один считает, что можно с помощью шантажа обобрать какого-то взяточника, а другой не погнушается сделать это с беззащитными и доверчивыми стариками, ветеранами войны. Их поступком потом возмутишься: «Как же вы могли бабушку обворовать?!», а они невозмутимо ответят: «А чего же её не обворовать? Она же, дура старая, и так скоро сдохнет, так что сбережения ей ни к чему, а мы найдём им интересное применение». Такая вот непрошибаемая логика.

Двойная мораль и свобода, понимаемая как вседозволенность – убийственное сочетание. Где выгода, там и правда, там и Истина. Но ведь Иуда презирал Христа именно за то, что тот не был барыгой, не искал выгоды от совершаемых им чудес и исцелений. А то обзавёлся бы сундуками с золотом, дорогими одеждами, наложницами. Вот это было бы понятно: Царь Иудейский. А то ходит в рубище, ведёт какие-то странные беседы с этими глупыми людьми, которых всех до одного перевешать или запереть следовало бы, раз ты царём себя назвал.

В постсоветские годы как раз стали много говорить о возрождении христианской веры в России, но настроения, тем не менее, у многих были самые что ни на есть иудовские. Такое неприкрытое презрение появилось к тем, кто не сумел извлечь выгоды из своей работы. Стало позорно быть не просто рабочим, но и инженером. А зачем, в самом деле, быть инженером в той новой России, если инженерная мысль как раз противоречила той алогичной и нарушающей простейшее математическое равенство политике – «сколько вложил труда в страну, столько и получил от страны в благодарность»? Людям с математическим складом ума в России всегда было трудно, а тут и вовсе стало никак: всем в стране стали заправлять барыги, которые умели лишь выполнять простейшие виды математических вычислений: сумма, разность, произведение и частное... с помощью калькулятора. Вот и вся их математика. Калькуляторы появились в невиданных количествах. Иногда даже зарплату стали выдавать калькуляторами, потому что больше нечем было. По стране пошла такая «математика», при которой барыга при нулевом старании со своей стороны получал миллионные прибыли в обход тех, кто вкладывался в дело полностью, без остатка. Именно отсюда и пошло модное выражение «не надо париться». Действительно, к чему надрываться, если доход от труда получают совсем не те, кто трудится, а как раз наоборот.

Барыги стали заправлять буквально всем! Они составили достойное дополнение к рабам у власти и заняли ведущие позиции в политике, в экономике и, что самое страшное, в искусстве и культуре. Они стали диктовать художникам, что и как те должны создавать, исходя из своих убогих представлений о прекрасном. Барыги в промышленности наломали столько дров, что там вскоре после их «реформ» камня на камне не осталось. Они превратили любую сферу человеческой жизни в банальную торговую сделку с разрушительными последствиями. Прибыль ставилась выше урона и принадлежала не людям, которые в этой сфере работают, а только проворачивающим эту сделку барыгам. Даже в среде образования всё стало держаться на философии барыг: «гони бабки и грызи себе гранит науки, пока не стошнит». Поборы в школах, в институтах стали само собой разумеющимся явлением. Недоразумением стали казаться те, кто посмел протестовать против такого положения вещей. Всё стало продаваться и покупаться. И при этом стало совершенно невозможно деньги зарабатывать, так как любой труд перестал цениться и оплачиваться. Деньги отныне принято «делать», «доставать». Распускались и разгонялись многие предприятия и организации. Государство начало словно бы тяготиться собственными гражданами, которые хотят работать, зарабатывать, чтобы иметь возможность жить в этих новых условиях, когда за всё надо платить. Обладатели любых дипломов стали осваивать одну единственно действующую профессию – «делать» деньги. Граждане с самым разным образованием и вовсе без

него стали заниматься, чем придётся и как придётся, лишь бы это принесло хотя бы какой-то барыш.

Я только в конце первого десятилетия нового века увидела статью о правильном выборе профессии, так аж прослезилась! В годы моей юности таких разговоров не было. Выражений, как «нужные профессии в соответствии с требованиями рынка труда», мы и слыхом не слыхивали. Требований от рынка труда тогда вообще не исходило, так как этого рынка труда и в помине не было. Страна перестала нуждаться в специалистах, стране нужны были только барыги, которые умеют на рынке просроченной колбасой торговать под видом эксклюзивного товара, а не профессионально заниматься полезной деятельностью.

Мы все работали, где ещё была возможность работать. Через три года после окончания школы я пришла на вечер встречи выпускников и узнала, что почти все мои бывшие одноклассники работают на железной дороге. Она, надо отдать ей должное, не случайно называется железной: дольше всех продержалась в условиях экономики, созданной барыгами. И пилили её, и делили, и перепродавали, и потрошили на предмет цветных металлов и всего прочего, что ещё можно было продать. Но она всё же сумела остаться той единственной в стране отраслью, куда можно было в 90-ые годы устроиться работать. Работать там ой как трудно, но что делать, когда другого выбора нет.

Через пять лет почти все одноклассники уже работали в милиции. Представьте себе картину, что во всём районе, где живёт около пятидесяти тысяч человек, закрывают предприятия, фирмы, конторы, организации. Остаются только городские администрации и отделения милиции. В городскую администрацию можно пролезть только по великому благу, который есть далеко не у всех. Да и не может же, в самом деле, администрация города вместить десятки тысяч нуждающихся в работе, если там и так на пять лет вперёд расписаны все должности вплоть до уборщиц! Иные уборщицы ждали места по пять лет, а пока работали на той же спасительной железной дороге. Или в милиции. А где же ещё, если другого выбора нет? Совсем нет.

Милицию начали потихоньку презирать. Не бояться, а именно презирать. Милиция, мол, охраняет не простых людей, а защищает вот *этих*, которые зарплату не платят, разворовывают страну, шикают напоказ перед нищим населением. От обворованных и обманутых ими людей и защищает. То есть, с одной стороны – презирают, а с другой – идут туда работать. Вроде и работают, но как бы в стороне от дела находятся: я работаю, потому что больше негде, а так я, в случае чего, могу куда-нибудь в другое место свинтить.

И как это никто из барыг у власти не додумался тогда сократить все отделения милиции, чтобы получить лишний барыш от экономии государственных средств на такую «ерунду», как правоохранительные органы? Напротив, милиции стало больше. Некоторые социологи предупреждают, что рост количества милиционеров прямо пропорционален росту преступности, а не наоборот. То есть чем больше разрастаются ряды правоохранительных органов, тем больше множится преступный мир. В 90-ые годы милиции в России стало просто-таки море. Бог мой, сколько в те годы стало милиции! Вы, может быть, не поверите, но тогда не осталось семьи, где бы не было милиционера, где бы отец, сын, брат, дядя или хотя бы племянник с кузеном не работали бы по линии МВД. Если не в милиции, то в ГАИ, ОМОНе, ЧОПе. ЧОПы эти – частные охранные предприятия, призванные защищать граждан от своих же сограждан – стали появляться, как грибы после дождя! Не было улицы, где бы можно было не встретить людей в милицейской форме, не было дома или подъезда, где бы ни жил хотя бы один работник милиции. И всё было бы прекрасно, но это никак не сократило преступность. Безработица поделила потерявших работу на два лагеря: одни занялись лихорадочными поисками новой работы, но поскольку она не существовала как таковая, то многие из них доходили до преступления в этих «поисках»; другие занялись поимкой первых. Все вроде бы при деле. Заправляющим жизнью в стране барыгам тоже

вроде как спокойно: можно заняться своими прибыльными сделками по разделу и переделу очищенных от людей промышленности и природных ресурсов.

Встречались и такие парни, которые шли в милицию именно из-за обмундирования, чтобы не тратиться на одежду. И они это не скрывали, а так и говорили, что сейчас штаны не купить, а тут всё тебе выдадут, так что потом можно уволиться, и будет что носить. В милиции работали даже некоторые девушки из нашего класса.

Доходило до того, что иногда так прямо и спрашивали: «Ты по профессии работаешь или в ментуре?». По профессии работать стало трудно, даже невозможно. Вот и первая красавица нашего класса Надька Карпинская все школьные годы мечтала стать цветочником-декоратором, закончила училище. Практику проходила в волшебном месте: оформляла клумбы в Петергофе. Прекрасная женская профессия – выращивать цветы и украшать ландшафт городов. Сторонники точки зрения, что женщина должна заниматься чем-то более жиловытягивающим, презрительно хмыкали: это тебе не чугуны плавить. Но и сталевары оказались не у дел одними из первых в стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.